

ДО САМОЙ ДРОЖИ

18+

КАТРИН КОРР

Катрин Корр
До самой дрожи

«Автор»

2018

Корр К.

До самой дрожи / К. Корр — «Автор», 2018

Думаете, если ваш рейс задержали, значит вам просто не повезло? Не ваш день? Звезды не так сошлись? Нет. Это значит, что вы просто не должны вовремя вылететь, поскольку за это пусть и короткое время с вами обязательно должно приключиться что-то очень для вас значимое и глобальное. И поймете вы это не сразу, возможно, даже, через несколько лет, когда будете находиться под толщей самых разных проблем и обстоятельств: слепая ответственность перед родителями, нежелание прислушиваться к себе и следовать зову сердца, неудачный брак... И когда это случится, когда над вашей головой, наконец, загорится лампочка, вы столкнетесь с еще большими катастрофами, о которых прежде и подумать не могли. Перевернется весь ваш мир и взгляды. Вы будете делать то, что прежде осуждали. А все почему? Потому что это любовь. До самой-самой дрожи.

© Корр К., 2018

© Автор, 2018

Содержание

Пролог	5
Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	19
Глава 4	28
Глава 5	40
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Катрин Корр До самой дрожи

Пролог

Вы когда-нибудь думали о человеке, с которым были знакомы всего пару часов? Вот у вас обыкновенная жизнь: вы пьете кофе каждое утро, ругаетесь с младшим братом из-за всяких пустяков, встречаетесь с друзьями, как вдруг посреди всего постоянного появляется тот, кто смело вторгается в столь заурядную действительность и рушит ваш такой привычный и, казалось бы, спокойный мир. Все, что вы можете узнать о нем, так это какого цвета его глаза, появляются ли ямочки на щеках, когда он смеется, и насколько сильнодействующим для вас окажется его взгляд. Всего два часа и вот вы во власти чего-то необъяснимого, настолько масштабного и разрушительного, что становится не по себе, ведь «так не бывает». Это же не кино и не романтическая история, правда? Этот человек должен стать одним из тех, кто проходит мимо вас каждый день, кто даже и не смотрит в вашу сторону, кому позарез нужно успеть на рейс или в бар на встречу с друзьями... Он должен быть кем угодно, оставаться обезличенным и незнакомым, но только не становиться настоящей планетой, о которой вы будете тайно грезить долгие годы.

Глава 1

август, 2010 год

Эта обыкновенная и пока еще ничем не примечательная ночь, как оказалось позже, перевернула всю мою жизнь. Только вдумайтесь: не пару дней, не пару недель, а всю жизнь! Когда бесконечные минуты ожидания превратились в тяжелый ком усталости, что от напряжения ныли спина и ноги, где-то в стороне, украдкой, на меня уже глядели голубые, как летнее небо, глаза.

В аэропортах всегда слишком много людей, скоростей и запахов, болтовни, шума и переживаний, что, смешавшись друг с другом, создается та самая гнетущая атмосфера безнадежных расставаний, прощаний и слез. А когда просто сидишь на месте и в сотый раз поглядываешь на часы, в ожидании своего вылета, который отложен на несколько часов из-за неблагоприятных погодных условий, вся имеющаяся в тебе энергия сходит на нет.

Моему младшему брату было семь лет и, понятное дело, что в этом возрасте ему отчаянно хотелось веселья, движений и игр. Даже, несмотря на всеобщую усталость и абсолютное нежелание шевелить конечностями.

– Ваня, сядь, пожалуйста, – тихо протянула я, взглянув на мелкого. – Сжался надо мной и посиди спокойной, идет? Хватит скакать туда-сюда, у меня уже голова на части раскалывается.

– Сколько еще ждать? Когда мы уже полетим? И я пить очень хочу!

Молча, мама поднялась с места и направилась к бару какой-то кофейни, чтобы купить неугомонному сыну воды. Она присоединилась к огромной очереди и с самым скучающим видом уставилась в экран мобильного телефона. Мой брат поспешил к ней, а потом бегал возле стеклянной витрины с пирожными, чуть ли не истекая слюной. Пока их не было, задний ряд сидений заняла женщина с маленьким ребенком, чей плач заглушал всеобщий гул. А минутой позже рядом с ней присел парень в серой футболке.

В Сургуте, куда мы направлялись, было уже слишком поздно для ночных смс (из-за разницы во времени), так что я спрятала свой телефон в модный рюкзак, чтобы ненароком не отправить любовное послание своему возлюбленному, которого не видела целых два месяца. Тогда это время казалось катастрофически невыносимым для по уши влюбленной девятнадцатилетней меня.

Я застегнула молнию и поставила рюкзак на свободное сиденье, как вдруг кто-то сзади потянул меня за волосы.

– Ой, простите, – смутилась женщина, осторожно разжимая детскую ручку, что крепко схватила мои каштановые локоны. – Гриша, отпусти девочку! Милый, пожалуйста, не надо делать девочке больно, – все лепетала она, а я же, тем временем, напряженно улыбалась, поскольку боялась остаться без клочка волос.

Парень в серой футболке, что сидел с ними рядом, повернул к нам голову и взглянул на мальчишку такими добрыми и искрящимися радостью голубыми глазами, что у меня земля ушла из-под ног в одну секунду. Раз – и все! Как по щелчку. Я опустила взгляд, зардевшись как школьница, и больше взглянуть на привлекательного незнакомца не решалась.

– Извините, еще раз, – тихонько сказала мне женщина, наконец, высвободив мои волосы из крепкой детской ручки.

– Ничего, – кивнула я и тут же, совершенно случайно, встретилась взглядом с этим парнем.

Уголки его губ слегка поднялись, но это сложно было назвать улыбкой. Казалось, что его внимательный взгляд, пусть и за такое короткое мгновение, отсканировал меня, поставив зеленые галочки в тех пунктах, что пришлись ему по вкусу. Я вновь смутилась и отвернулась к

огромному окну, что открывало вид на бесконечную взлетную полосу. Пока Ваня с мамой стояли в очереди, мальчишка позади меня задорно смеялся, потому что его новый взрослый друг корчил рожицы и делал все то, от чего некогда плачущее дитя приходило в настоящий восторг. Делая вид, что моя шея нуждается в разминке, я медленно крутила головой в разные стороны, но чаще всего – оборачивалась, чтобы ненароком взглянуть на парня.

Он показался мне милым. Одним из тех, кто редко выходит из себя и поддается эмоциям, который стремится понравиться всем и продемонстрировать свои знания в какой-либо области. По-настоящему солнечная улыбка отчего-то зарождала во мне совершенно новые чувства, казалось, что я в жизни не встречала человека, который бы так же ярко светился от счастья. Но что больше всего меня потрясло в первую же секунду – его голубые глаза. Они играли заманчивым озорством и ребячеством, вынуждая меня неустанно предполагать возраст молодого человека. На вид этому парню можно было бы смело дать лет двадцать: высокий, крепкое телосложение, широкая шея... Но стоило только взглянуть в его по-детски лучезарные глаза и уравнение в моей голове становилось еще сложнее.

Пока мамы и брата не было рядом, мы с этим парнем частенько встречались взглядами и, надо сказать, с каждым разом я все смелее задерживала на нем свой – до ужаса неловкий. Я то и дело поправляла челку, что падала на глаза, расправляла непослушные волосы и неумело изображала из себя серьезную девочку. К тому моменту, когда мои вернулись на свои места, незнакомец, как-то незаметно для меня, переместился на нашу сторону, но продолжал играть с ребенком, корча ему веселые рожицы.

– Будешь пить? – спросила меня мама, протягивая бутылку с водой. – Я даже не спросила, может ты кушать хочешь? Ваня уже слойку с вишней заточил.

– Не-а, не хочу. А пить буду, давай. – Я открутила крышку и поднесла горлышко к губам. Внезапно, мне показалось, что мой телефон в рюкзаке издал короткую мелодию, и я незамедлительно поставила бутылку на пол, позабыв о жажде.

– Не спит что ли? – спросила мама, не глядя на меня. – Дима твой.

– Может, это вовсе не он, – с улыбкой закатила я глаза.

Но сообщение было действительно от Димы, что в два часа ночи еще не спал и с нетерпением ждал моего приезда. Я принялась печатать ответное сообщение, радуясь каждой прочитанной буковке, как вдруг Ваня невзначай толкнул меня, вынудив обратить на себя внимание.

Парень в серой футболке веселил теперь и его. Мой брат смеялся, играя вместе с ребенком позади нас и этим голубоглазым гипнотизером, пихая меня рукой всякий раз, когда происходило нечто невероятно веселое.

– Как тебя зовут?

Знаете, *что* я испытала, услышав голос этого незнакомца? Сквозь меня как будто пылающая огнем стрела пролетела! Хотите верьте, хотите нет, но мое сердце в ту секунду рухнуло в пропасть. Я часто заморгала и, чувствуя, как лицо стремительно загорается, невнятно ответила:

– Катя.

Мой брат, что сидел между нами, оглянулся на меня и изобразил недовольство:

– Он меня спросил вообще-то!

Я тут же подняла глаза на улыбающегося незнакомца, и волна раскаленного стыда пронеслась по моему телу. Вот же дура.

– Ваня! – представился мой младший брат. – А как зовут тебя?

Продолжая улыбаться, незнакомец взглянул на мелкого, потом вновь поднял на меня глаза и ответил:

– Кирилл.

Думаю, именно в тот момент, когда я услышала его имя, в моем мозгу стали взрываться бомбочки, одна за другой по цепочке, пока не достигли самых богатых залежей убийственных фейерверков. Ей-богу, меня как будто парализовало! Не имея возможности увести взгляд в

сторону, я наощупь раскрыла свой рюкзак и забросила в него сотовый, напрочь позабыв о том, чтобы дописать и отправить ответное сообщение Диме. Завораживающий взгляд этого парня вынуждал мое сердце останавливаться. Честное слово, я как будто слышала эти бешеные стук в груди, а потом раз – и тишина на несколько секунд.

– А куда ты летишь? – спросил Ваня, и голубые глаза, наконец, отпустили меня.

– В Пермь. А вы?

– Мы в Сургут летим, – на выдохе ответил мой брат, а потом резко повернулся ко мне и заглянул за мое плечо. – Мам, я кушать хочу.

– Ваня, я ведь спрашивала тебя об этом, когда воду покупала. Ты мне что сказал?

– Что не хочу, а теперь захотел, – виновато ответил мелкий. – Пойдем покушаем? Мне мало слойки.

Мама громко вздохнула и, взяв Ваню за руку, направилась в сторону рестораников.

– Вы с братом очень похожи, – сказал мне Кирилл. Боковым зрением я видела, что он смотрел на меня и, почему-то, была уверена, что он улыбался. – Сколько ему?

– Семь. – Я повернула голову и тут же голубые блюдца захватили меня в свой плен! – Мм... У тебя пересадка здесь?

– Да, я в Германии был. У бабушки с дедушкой. А вы откуда?

– Тоже от бабушки с дедушкой, они в Крыму живут, – ответила я и неловко улыбнулась. Мои глаза задержались на круглом вырезе его серой футболки, из-под которого выглядывали темные волосы, и тут я поймала себя на мысли, что не отказалась бы взглянуть на этого парня топлес. Мысленно шлепнув себя по лицу, я поинтересовалась: – Твой рейс надолго задержали?

Кирилл оглянулся на большой экран, а я тем временем заметила, что его ресницы так изящно закручены, словно только что побывали в специальных щипцах.

– Еще час сорок. А у вас? – Он повнимательнее взгляделся в список задержанных рейсов. – Сургут... А у вас час пятьдесят. – Кирилл остановил на мне теплый взгляд и сдержанно улыбнулся. – Мы будем вместе почти два часа.

Его заключение рассмешило нас обоих. Меня стало бросать то в жар, то в холод, я сожалела, что отказалась взять с собой джинсовую куртку, чтобы накрыться ею и мало-мальски спрятаться от внимательных голубых глаз.

– Ты не голодна?

– Нет. Нисколько. А ты?

– Я поел минут так сорок назад. В каком классе учишься?

– Перешла на второй курс.

– О! Так ты студентка, – искренне удивился он. – Я думал, ты школьница еще.

Я засмеялась:

– Слава богу, нет.

– И на кого учишься?

– Журналистика. А ты? Уже закончил, наверное?

Кирилл весело засмеялся, заставив меня покрыться красными пятнами.

– Школу – да. Я только вот поступил в универ. Мне недавно восемнадцать исполнилось.

– О... Надо же, – с улыбкой выдавила я, оглядев его взрослое телосложение.

– Административное и муниципальное управление.

– Мне это ни о чем не говорит...

– Да фигня какая-то, – засмеялся он снова, склонив на бок голову. – Я в футбол играю, а это образование так, для галочки.

– Так ты... Ты футболист?

– Ты футболист?! – удивился Ваня, плюхнувшись на свое место между нами. Он жевал какой-то бургер и тарасился на Кирилла с таким искренним обожанием, словно тот – его давний кумир. – А где играешь?

– В Перми. Ну, мы с командой ездим по городам, были в Сургуте как-то, кстати. Правда, потом сразу же в Тюмень поехали, так что...

– А Катя в Тюмени учится! – перебил Ваня с набитым ртом. – Это далеко от Перми?

Наши с Кириллом взгляды встретились, и мне вдруг очень захотелось, чтобы это расстояние было не больше пяти километров.

– Кажется шестьсот или семьсот километров, – ответил Кирилл, взглянув на Ваню. – А ты чем-нибудь увлекаешься?

– Я на каратэ хожу.

– Ну, тоже неплохо.

– А ты давно играешь в футбол? – не унимался Ваня, но Кирилла его интерес, кажется, только забавлял.

– Ты не хочешь в туалет? – спросила меня мама шепотом.

– Можно бы...

Я поднялась, взяла свой рюкзак и остановила взгляд на Ване:

– Мы с мамой в туалет, а ты сиди здесь, хорошо? Никуда не уходи.

– Я присмотрю за ним, – улыбнулся Кирилл и взглянул на мою маму. – Не переживайте.

– Да я и не думала, – усмехнулась она, явно поддавшись этим его необъяснимым чарам. –

Елена.

– Кирилл, – с улыбкой кивнул он. – Туалеты за теми лифтами.

– Спасибо, – поблагодарила его мама, не переставая улыбаться. – Мы скоро вернемся.

Едва мы отошли от них на пару шагов, как мама прильнула ко мне сбоку и тихо заявила:

– А он очень приятный молодой человек! Сколько ему лет?

– Поступил на первый курс. Восемнадцать недавно исполнилось.

– А по нему не скажешь совсем. В любом случае, выглядит он куда старше своих лет, а для мужчины это очень даже хорошо.

* * *

Германия сближает людей. Мама и Кирилл нашли общий язык достаточно быстро и центральной темой их разговора стала, конечно же, страна, в которой я родилась и где у Кирилла жили бабушка и дедушка. Половина их беседы пролетела мимо меня, поскольку все мое внимание было сконцентрировано на улыбчивом парне с завораживающими, по-настоящему кружащими голову голубыми глазами. Несмотря на усталость, мне отчаянно хотелось, чтобы эти почти пару часов тянулись еще медленнее. Когда людей в огромном зале значительно прибавилось, возле нас остановилась женщина с маленьким ребенком. Кирилл поспешил уступить ей свое место, а потом с улыбкой взглянул на меня и предложил постоять у столика, где находился уголок для подзарядки сотовых и ноутбуков.

Мама с улыбкой кивнула мне, мол идите и общайтесь, так сказать, благословляю вас! Ваня уже спал на её коленях; заряд бодрости, судя по всему, подошел к концу. Мы с Кириллом остановились у полукруглой столешницы и, когда он повернулся ко мне, минуты две просто смотрели друг на друга, то весело улыбаясь, то нервно посмеиваясь.

– Ты точно не замерзла? – наконец, спросил он, нарушив затянувшееся молчание. – В шортах и футболке... Здесь вроде прохладно становится.

– Нет, – солгала я. – Ни капельки.

На самом деле мне было очень холодно, пальцы ног казались уже ледышками. В моем рюкзаке лежали носки, но разве я могла натянуть их, когда рядом со мной был такой красавчик? В его завораживающих глазах я бы выглядела крайне смешно.

– Уверена? – с сомнением уточнил он, сощурившись. Я кивнула. – Значит, за лето впитала в себя всю теплоту солнышка? Загорела ты хорошо.

– Почти каждый день ездили на море, – пожалала я плечами и увела взгляд в сторону экранов. – Смотри, уже через полчаса ты улетишь.

– А ты чуть позже. Скажешь мне свой номер?

В мои мысли ворвался образ Димы. Я вдруг вспомнила, что так и не написала ему ответное сообщение, которого он явно ждал, и какая-то часть меня ощутила вину. Я закусила губу, совершенно не зная, как поступить, и отчего-то неуверенно подняла глаза на Кирилла, что был значительно выше меня и глядел так, словно пытался прочесть мои мысли.

– У тебя есть парень, – констатировал он, едва заметно кивнув. – Окей. Без номера. Ты ведь по-любому есть в «ВК»?

Я улыбнулась:

– Есть.

– Тогда, давай я сообщу тебе свои данные, а ты, если захочешь, по приезду или вообще, когда возникнет желание, просто найдешь меня, и мы поинтересуемся друг у друга, как у нас дела? Но, было бы намного круче, если бы *ты* сообщила мне свою фамилию, – по-доброму усмехнулся он. – Я бы тебя нашел прямо сейчас.

– Давай, – вдруг ответила я.

– Скажешь мне? – почему-то удивился он.

– Да, – засмеялась я, совершенно не понимая, почему делаю это.

Кирилл достал свой ноутбук из небольшой серой сумки и осторожно опустил его на столешницу. Пока он подключался к Wi-Fi, я обернулась и взглянула на маму, что по-прежнему залипала в телефоне, а Ваня продолжал сладко спать у нее на коленях.

– Говори! – воскликнул Кирилл, приготовившись печатать мои данные в специальном окне.

– А можно я сама?

– Прошу, – уступил он мне. – Тебе что, не нравится как звучит твоя фамилия?

Я оглянулась и от удивления чуть не подавилась.

– Она просто странная... И да, мне не очень нравится, как она звучит, – я сощурилась. – Ты что, все-таки читаешь мои мысли?

– Все-таки? – веселился Кирилл, не отрывая от меня глаз. – Я уже заинтригован.

Напечатав свою фамилию и имя, я выбрала город и нажала на поиск. Из пяти моих однофамильцев, я кликнула на свою аватарку, на которой стою, склонившись над мангалом, и контролирую жарку мяса. Это был день рождения моей одноклассницы.

– У тебя прикольная фамилия! – заявил Кирилл, уставившись в экран. Его предплечье коснулось моего плеча; по руке тут же пробежали мурашки, и я сделала шаг назад, чтобы он не заметил моей легкой дрожи.

– Так себе фамилия.

– Я оставил заявку в друзья, – оглянулся он, подмигнув мне. – Надеюсь, ты подтвердишь.

– А какая же фамилия у тебя?

Кирилл открыл свою страничку, и я прочитала.

– Она крутая! Пряма такая... Немецкая что ли?

– Мне тоже нравится, – с гордостью усмехнулся он, выключая ноутбук.

– Очень даже... Я где-то видела её. Мм...

– На прицепах и грузовиках, – пояснил Кирилл, захлопнув крышку. – Немецкая компания так называется, по производству прицепов и кузовов. И еще всяких разных примочек.

– Так ты...

Кирилл засмеялся:

– Нет, я не имею никакого отношения к этим ребятам. Ну, разве что фамилия.

– Вау. Круто.

– Ага. У тебя хорошая мама, – сказал он, остановив на ней короткий взгляд. – И братик забавный. А ты, – взглянул он в мои глаза, – очень красивая. Я тебя сразу заметил, как только вы в зал зашли после регистрации.

Вибрация во мне усилилась. Безусловно мне говорили комплименты и раньше, но вот что-то я не припоминала такой своей реакции – все во мне задрожало! Последующие несколько минут я пыталась убедить себя, что все дело в привлекательной внешности Кирилла. Конечно же в ней, а в чем еще?! Высокий, спортивный, общительный, а уверенность смело шагала впереди него – как такой не привлечет к себе внимание? Однако, мне страшно хотелось, чтобы время тогда замерло, все вокруг остановилось, и только мы с ним существовали в этом неземном измерении. Я поняла, что хочу говорить с ним, хочу узнать его лучше и вдоволь налюбоваться голубыми глазами.

– Мне пора, к сожалению, – сказал Кирилл, глядя на меня сверху вниз, – очень не хочу расставаться.

Я с трудом сглотнула и подняла на него глаза. В ту секунду что-то щелкнуло во мне, точно открылась какая-то дверца.

– Пойдем? Я еще к твоим подойти хочу. – Когда мы остановились рядом с мамой, Ваня что-то пробубнил, приоткрыв один глаз, а потом снова отключился. – Рад был познакомиться с вами.

Мама расплылась в улыбке, не хватало только сердечек в глазах.

– И я, Кирилл. Хорошего тебе полета и удачи на играх.

– Спасибо. Ване передавайте привет, – усмехнулся он, по-доброму оглядев моего спящего брата. – До свидания.

– До свидания, Кирилл.

Толпа в конце зала у выхода на посадку как-то быстро уменьшалась и, когда мы остановились рядом с сонными пассажирами, Кирилл повернулся ко мне и буквально пронзил непередаваемо-нежным, но заметно погрузневшим взглядом.

– Не хочу туда, – усмехнулся он и оглянулся на уменьшающуюся толпу. – Хочу еще с тобой здесь побыть.

Я часто заморгала:

– И я.

– Надеюсь, мы будем на связи.

– Будем. Обязательно.

Кирилл резко хмыкнул, а потом заключил меня в короткие объятия. На несколько секунд мое тело обмякло, а нос поспешил вдохнуть приятный мужской запах. Я почувствовала, как вновь начинаю дрожать и поспешила отстраниться.

– Пока, Катюш.

– Пока, Кирилл.

Неуверенно и несколько неуклюже, он попятился назад и в какую-то секунду мне показалось, что вот-вот сейчас он сорвется, подбежит ко мне и поцелует. Но Кирилл достаточно продолжительно смотрел на меня, а потом с неохотой повернулся спиной и протянул посадочный талон сотруднице аэропорта. За два часа я так прониклась этим человеком, что едва сдерживала слезы. Те самые, что льются в аэропортах, на вокзалах, когда колючая разлука нагло смеется в лицо.

Еще пару секунд я стояла на месте, а когда макушка русых волос смешалась с другими, мои ноги медленно развернули тело и побрели вперед. Я сделала несколько маленьких шажков, как сонная японка в носках и неудобной обуви, а потом вдруг резко оглянулась и затаила дыхание.

Кирилл обернулся. Даже на столь внушительном расстоянии его взгляд согрел меня и проник так глубоко, что я не пожелала больше отпускать его. Дверца во мне захлопнулась, оставив внутри самое ценное, о чем никогда и никому не будет известно.

Глава 2

Наши дни

Я не знаю, чего жду. Что он одумается, прилетит ко мне и скажет, что был настоящим придурком? Попросит навсегда вычеркнуть из памяти те бесконечно долгие дни в слезах, те жуткие шестьдесят минут в кабинете нотариуса, когда я не видела ничего вокруг, потому что из глаз не прекращаясь лились слезы? Что я подписывала? Да бог его знает! Я только и слышала, что мой *еще* супруг передает мне свою долю квартиры и что я – *еще* его супруга, даю ему генеральную доверенность на свой автомобиль. Почему я плакала тогда, отлично понимая, что наши действия в кои-то веки были правильными? Так нужно было поступить очень давно и думаю, мы оба это понимали, вот только никак не могли найти в себе смелости все изменить.

– Катюнечка, мое солнышко! – напевает тетя Оля, сестра моей бабушки. Она обнимает меня и чмокает в плечо. – Девочка наша любимая, какая же ты у нас красавица! А тот, твой, вообще дурак! Пусть теперь локти кусает!

Но я надеюсь, что он не станет этого делать. В глубине души я понимаю, что все случившееся – только к лучшему. Думаю, мы никогда не держались друг за друга, а только *удерживали*, лишая познать что-то большее.

– Таксист не звонил? – спрашивает меня папа, направляясь в дом. Он уже готов к поездке в аэропорт, остается только одеться. – Катя, иди сюда?

Папа никогда не называет мое имя как-то иначе. Всегда резко и обрывисто, от чего у меня незамедлительно тошнота подбирается к горлу. Я помню дни, когда с нетерпением ждала его с работы, чтобы поиграть, или обнаружить, наконец, в кармане его куртки обещанного мне котенка. Мы часто смеялись, дурачились и порой наши игры (чаще всего!) до добра не доводили – я начинала реветь, поскольку мне всякий раз больно прилетала какая-нибудь мягкая игрушка. Мама из-за этого страшно злилась. Не могу и припомнить момент, когда все изменилось. Когда я перестала ждать его, а наоборот, сильно хотеть, чтобы папы как можно дольше не было дома, чтобы не чувствовать эту давящую в груди тревогу. Пожалуй, причина мне хорошо известна, вот только сам момент никак не могу припомнить.

– Бывший не объявлялся? – серьезным голосом спрашивает папа, сев за небольшой кухонный столик. – Не звонил? Не писал?

– С чего вдруг он будет делать это, – с присущим мне нервным смешком отвечаю я.

Мне сложно находиться в одном помещении с родным папой, поскольку за эти годы он как будто оброс негативной энергией и научился вытягивать из людей положительные эмоции. Не знаю, на меня ли одну он так влияет, но даже разговаривая с ним по телефону, я чувствую, как лишаюсь сил.

– Ясно все, – на резком выдохе говорит он. Знаю, он был уверен, что мой бывший муж одумается и приедет за мной, но ведь не все в этом мире складывается так, как хочешь того ты, папа. И я, на самом деле, несказанно этому рада. – Свидетельство о расторжении когда будет готово?

– Через две недели.

– Сиди здесь, фрукты ешь, загорай, бабушку на море вози, а там и Ваня скоро приедет. А потом уже поедешь документы менять.

– Угу.

Я вновь ощущаю это двоякое чувство: безмерной благодарности и оупляющей безысходности. Если бы папа не приехал за мной две недели назад, не сказал, что мне нужно как можно скорее сменить обстановку и отдохнуть от происходящего – я бы, наверное, с ума сошла и возможно, сделала какую-нибудь глупость, о которой незамедлительно пожалела бы. Он привез меня сюда, к бабушке в деревню, в теплый и солнечный Крым, за что я благодарна ему

всем сердцем. Но мне никак не удастся отделаться от мысли, что я по-прежнему нахожусь под его давлением, под его властью, что коварно кроется в этой отцовской заботе. Он не замечает этого. И возможно, что никогда уже не заметит.

– Таксист звонит! – восклицаю я, глянув на мой вибрирующий телефон в руках. Пока отвечаю на звонок, папа молча уходит в свою спальню переодеваться.

– Катюшенька, ну, что? Звонил? А то бабушка переживает, вдруг не приедет и папа на рейс опоздает, – тоненьким, словно у птички голоском, интересуется тетя Оля, заглянув в дом. – Все посылает меня узнать, как тут дела.

– Вот, только что говорила с ним. Он уже на повороте, так что минут через пять-семь будет у нас.

Тетя Оля улыбается и спешит сообщить об этом нашей бабушке, которую хлебом не корми, а дай поволноваться по всякой мелочи. Оставшись одна в кухне и слыша, как папа собирается, что-то бурча себе под нос, меня вдруг охватывает чувство безграничной утраты, словно поблизости остался один только папа, который вот-вот уедет отсюда, и на всем белом свете я останусь совершенно одна. Я очень боюсь остаться без поддержки, без близких и друзей. Пожалуй, это мой самый большой страх в мире. Смотрю, как папа уверенно направляется к выходу, держа в руке маленький чемодан, рассчитанный на короткие командировки, и так хочу прижаться к нему, как раньше, в детстве. Чтобы вообще не знать об этих его заскоках делать все так, как хочет и скажет он.

– Так, ну, все. На выход!

Но я лишь выдавливаю улыбку и пропускаю его вперед. За ним следует стойкий запах дорогого парфюма, который еще очень долго будет витать в воздухе, напоминая нам о своем хозяине. Завидев папу, бабушка подскакивает со стула, а её бархатное личико озаряется такой счастливой улыбкой, словно она не видела зятя много лет.

– Серёженька, возьми водичку с собой. Мало ли, дорогой пить захочешь. Я бы тебе еще и покушать дала, так ведь ты не хочешь.

– Спасибо, бабушка, – с хитрой улыбкой отвечает папа и останавливает на мне взгляд «что она вообще такое говорит». – В аэропорту пообедаю.

Когда мы выходим на улицу, черный автомобиль уже ожидает папу у самых ворот. Бабушка крепко обнимает его, тетя Оля целует в обе щеки, а когда очередь подходит ко мне, я вдруг шмыгаю носом и часто моргаю. Сейчас мною движет чувство благодарности и какая-то часть меня будет очень скучать по папе. Я никогда не смогу сказать ему, как сильно люблю его и какое чувство гордости за него испытываю. Стоит мне только подумать об этом, стоит только хотя бы разок сказать всем, что мой папа – самый лучший, как он делает нечто такое, от чего мне хочется убится.

– Ну, все, давай, отдыхай, – говорит он мне и обнимает.

– Хорошей дороги.

Мы втроем машем ему на прощание и, когда автомобиль скрывается за поворотом, не спеша идем во двор, что благодаря папе теперь выглядит совершенно иначе. Цветная плитка, клумбы, большой гараж, новая крыша, камеры по всему периметру... Не одна я благодарна ему за поддержку и помощь; бабушка так же как и я по-своему любит папу, но никогда не забывает, что он чрезвычайно тяжелый и властный человек.

* * *

– Катя, Катя, а ну-ка взгляни на того в красных плавках, – говорит мне тетя Оля и протягивает старый бинокль. – Вроде ничего такой мужчина.

– Я его не видела, но красные плавки мне уже не нравятся.

Смотрю вперед; у самого берега в какой-то глупой позе стоит низкорослый мужик в красных плавках и чешет бедро. На нем желтая панамка с цветочками, множество черных браслетов на руке и какая-то татуировка на правой икре, больше смахивающая на размазну.

– Спасибо тебе, тетя Оля, шикарный выбор! – фыркаю я и опускаю бинокль на покрывало. – Себе бы такого навряд ли выбрала.

– А что, плохой да? Ну, так с виду вроде ничего показался. – Она снова берет бинокль и присматривается. – Ой, да, ты права. Низенький какой-то, горбунок.

– Мать Божья, Ольга! Так он же точно тот страшила из мюзикла! Кривой такой, – вмешивается бабушка, задрав голову. – Иди сама с ним шашни крути.

– Чего это я шашни крутить с ним буду? Мне уже семьдесят лет! Это ты иди, ты еще молодая!

– Ой, да ну тебя! – в шутку огрызается бабушка и снова опускает голову на подушку. – Катюше нашей нужен высокий, статный, уверенный...

– Богатый! – вставляет тетя Оля, одарив меня продолжительным взглядом.

– Умный, заботливый, красивый!

– Спортсмен! – снова добавляет бабушкина сестричка. Она развязывает мешочек с семечками и начинает щелкать. – Чтобы красивый был, здоровый.

– Ой, да на кой черт ей спортсмен сдался? Они вон все кабели поголовно!

– Это только нам по телевизору таких показывают, а на самом деле есть очень много молодых парней, которые спортом занимаются, красивые, верные и очень добрые! Ты, Галюня, слишком много смотришь телевизор. Он на тебя негативно влияет!

Я искренне веселюсь, наблюдая за этими двумя сестрицами. Тетя Оля закоренелая блондинка с короткими волосами, курносый носом и острыми губками. На пляже она всегда лежит под зонтиком, потому что боится состариться раньше времени, хотя, по-моему, уже поздно об этом беспокоиться. А моя бабушка полная ей противоположность. Волосы цвета темного шоколада, носик как маленькая картошина, а кожа очень темная, потому что от солнца она никогда не прячется. Бабуля младше тети Оли на один год, но из-за пышных форм и множества морщин, мне всегда кажется, что именно она старшая из них двоих.

– У самой то бегун был, помнишь? В пансионат сюда приезжал, мы на танцы ездили. Ты же сама ему отворот-поворот дала!

Заинтересовавшись историями любовных походов моих любимых бабулек, я поудобней усаживаюсь на мягкой подушке и беру жменю семечек.

– А ну-ка, ну-ка! Подробности?

– Ой, слушай ты эту выдумщицу, – отмахивается бабушка и делает вид, что пытается уснуть.

– Значит, у бабушки нашей кавалером был бегун.

– Еще какой! Как же его звали... Славка. Сашка. Сережка...

– Владимир, вообще-то, – говорит бабушка и поднимается на локтях.

– Гляди, она ведь еще и имя его помнит! – смеется тетя Оля. – Как же он ухаживал за ней!

– Цветы мне сорвал с клумбы пару раз и до дома проводил, велики ухаживания! Ты лучше расскажи, как за тобой тот солдатик с флота бегал. Она ведь чуть замуж за него не вышла!

– Что-о-о-о-о? – перевожу я глаза на тетю Олю. – Ты хотела выйти замуж не за дядю Пашу?

– Да у меня много кавалеров было, каждый второй руку и сердце предлагал, – улыбается тетя Оля и по привычке пушит короткие волосы на затылке. Она всегда так делает, когда разговор идет о ней лично, как будто хочет при этом выглядеть еще привлекательнее.

– Ага, пальцев на руках не хватит, чтобы их сосчитать, – забавляется бабушка.

– А ну-ка, делись, давай! – прошу я, заинтригованная услышанным. – Почему раньше мне не рассказывали про своих кавалеров? Это же жуть как интересно!

– Так и рассказывать нечего!

– Ой, ну да! – фыркаю я.

– Катюша, раньше ведь мужики не такими были, как сейчас, – говорит мне бабушка, садясь на подушку. Она поправляет края парео, накрывает полупрозрачной синей тканью свои пышные ножки и достает из пакета упаковку кукурузных палочек. – Не было приставаний, никакой опасности, мы могли только вот познакомиться, а потом вместе на море пойти ночью. И не боялись ничего, никого.

– А сейчас что ли нельзя так делать? – смеюсь я, взглянув на тетю Олю.

– Не пугай меня, ради бога, – ахает бабушка. Небось, уже видит, как я с малознакомым типом иду на безлюдный ночной пляж, где меня подстерегает страшная участь быть изнасилованной. – Бедная девочка, столько лет прожила с одним болваном и света белого не видела! Теперь за тобой глаз да глаз нужен!

Опять двадцать пять. Я уже целый месяц слушаю эти пустые рассуждения о моей не нагулявшей в свое время девичьей свободе. И хотя, в глубине души, какая-то часть моего «я» согласно кивала, я все равно отказывалась в это верить.

– Влюбилась в восемнадцать и все, никого не вижу, никого не слышу! – причитает бабушка. – Это же как он тебе голову то задурил, что ты ни на кого внимания не обращала? Красавица наша, да у тебя столько кавалеров должно было быть, высоких, спортивных, смелых, энергичных...

– Да было у меня все, – перебиваю я, аккуратно стряхнув шелуху от семечек в целлофановый мешочек. – В университете были парни, которые и встречаться предлагали, и знаки внимания проявляли. И на улице знакомились, и в магазинах, и в барах, когда с девочками зависали там...

– И что? – ахает тетя Оля, вытаращив на меня свои большие зеленые глаза. – Никто не понравился? Не привлек? Не заинтересовал?

– Слушайте, это *сейчас*, оглядываясь назад, я могу сказать, что была катастрофически глупой и недалекой девочкой в этом плане. На тот момент мне казалось, что я все делаю правильно. Есть парень – значит других замечать не надо.

– Потому что это ай-ай-ай как плохо! – недовольно фыркает тетя Оля. – Я вот знаешь, что тебе скажу, если бы тогда тебе встретился человек, который запал прямо в душу, вот с первого взгляда, понимаешь? Ты бы напрочь отбросила эти свои «правильно/неправильно» и просто с головой нырнула бы в него! Поверь семидесятилетней женщине!

– Бо-о-ожечки, ты что, книжек начиталась что ли, такими словечками странными говоришь? – протягивает бабушка, закатив глаза.

Я перевожу взгляд на море; волны стали меньше и детворе, плюхающейся у самого берега в ярких нарукавниках и надувных кругах, явно не достает веселых катаний. Мои мысли уносятся на несколько лет назад, я вспоминаю свою белую футболку и джинсовые шорты; было так холодно сначала, что зуб на зуб не попадал, а потом я дрожала лишь от волнения. От самого теплого и приятного волнения. Или мне уже просто чудится это.

– Слушай, – с заметной хитринкой в голосе обращается ко мне тетя Оля, стряхивая с себя шелуху, – я помню мама твоя рассказывала, как вы летели отсюда к себе в Сургут и...

Откуда мне знать, что она сейчас скажет? Конец предложения может быть каким угодно, но я отчего-то точно знаю, чем все закончится.

– ...рейс у вас задержали что ли...

И мне было так холодно, что зуб на зуб не попадал. Я ведь только что думала об этом. Только что!

– ...Ваня его «футболистом» называл, я помню...

«Ты точно не замерзла? За лето впитала в себя всю теплоту солнышка?»

Сколько лет прошло?

Много. С подсчетами и математикой у меня всегда было туго, но здесь и не требуется точных расчетов – прошло слишком много времени, а эта фраза до сих пор в моей голове. До сих пор.

– И что же?

– Мм? – тяну я, взглянув на тетю Олю. Что она сейчас сказала?

– И как вы? – с улыбкой хлопает она глазами. – Общаетесь?

– Благо в наше время поддерживать связь не составляет большого труда, – говорит бабушка, наливая в пластиковый стаканчик минеральную воду, – не то, что раньше. Всех растеряли, даже родственников.

– Галю-ю-юня! Подожди! – отмахивается тетя Оля и переводит на меня все те же искрящиеся интересом глаза. – Ну и? Вы общаетесь?

– Откуда ты знаешь об этом? Мама рассказывала?

– Ой, так давно еще! Я просто помню, что парень этот футболистом был, потому что Ваня его так прозвал. А ты ведь знаешь, футбол для меня – все!

– А помните, как мы смотрели игры, когда еще Паша живой был, и я ему усы рисовала, пока он спал?

– Это было в 2008 году и Россия тогда, по итогам турнира, вышла в полуфинал! – уверенно заявляет тетя Оля, отчего у меня отвисает челюсть. Ей же семьдесят! Как можно такое помнить? – Голос я сорвала тогда. Пашка все пальцем у виска крутил, мол делать мне больше нечего орать так перед телевизором!

– Я в шоке, – усмехаюсь.

– Мы с Пашкой вместе крутили пальцем, – вставляет бабушка, закатив глаза. – Тебе бы тогда не помешал этот, как его... Ну, из церкви!

Я смеюсь:

– Экзорцист.

– Точно!

– Ума у твоей бабушки – туши свет! Катюша, ты лучше расскажи мне об этом мальчике, – говорит тетя Оля, поудобнее усевшись на подушке. Такое чувство, что она ждет от меня долгую и содержательную историю с пикантными подробностями. – Вы общаетесь?

«Я вижу перед собой твою улыбку».

Прочищаю горло и тянусь к бутылке с водой.

– Нет, мы не общаемся. Подай мне стаканчик?

Бабушка протягивает мне пластик и предлагает каждому съесть по пирожку с персиком.

– А почему же? – интересуется тетя Оля, не обращая внимания на протянутый ей пирожок. – Потеряли связь?

– Ольга! Бери сейчас же, иначе я тебе его на голову положу, ты меня знаешь!

– Что-то типа того, – вяло улыбаюсь я, впервые за долгое время ощутив знакомое чувство колючей вины. Как будто крепко за огромный кактус ухватила руками и не желаю его отпускать. Благодарю бабушку за пирожок, но есть совершенно не хочется.

– Так отыщи его!

– Тетя Оля, – выдыхаю я.

– Что тетя Оля, что? Тебя же это ни к чему не обязывает, просто найди его, вы же молодежь, можете это сделать по щелчку в своих гаджетах.

– Ой, а ты можешь отыскать одну нашу родственницу, она раньше в Керчи жила, а потом...

– Галя, мы сейчас вообще о другом. Скажи внучке, чтобы она нашла этого парня!

– Да зачем мне его искать?! – восклицаю я и случайно роняю пирожок. – Уже столько лет прошло, он и знать не знает, кто я. У него наверняка своя жизнь уже построена и все такое прочее. Нет! Все, закрыли тему.

– Господи ты боже мой, какие мы нервные! А я тебе говорю, найди его! И ничего он тебя не забыл! Как вообще можно такую красавицу забыть?

– Тетя Оля-я-я-я! Ну, хватит уже.

– Просто узнаешь, как у него дела, чем живет человек...

– Есть жена, нет жены, – вставляет бабушка.

– А даже если и есть, что с того? – задорно смеется тетя Оля. – Просто пообщаетесь.

– Встретитесь может.

– Поцелуетесь.

– Все, я купаться, – резко поднимаюсь на ноги, не желая больше слушать всю эту чепуху. Ума не приложу, почему именно об этом человеке пошел разговор, когда за пару минут до него, именно о *нем* я и думала. – Веселитесь, дамочки.

– Катюша, ну, извини! Мы же как лучше хотим! Просто советуем тебе отыскать этого мальчика и немного пообщаться с ним.

С деланной благодарностью продолжительно киваю и направляюсь к берегу, раскидывая песок ногами в разные стороны. Знай эти старушки, каким именно образом наше общение сошло на нет, навряд ли бы сейчас так уверено толкали свое «мы же как лучше хотим».

Глава 3

ноябрь, 2010 год

Я все больше была похожа на маму, только возвращалась домой не после работы, а после учебы. Хотя квартира была однокомнатной и не требовала частой уборки, я, казалось, делала её каждый день: протирала пыль, пылесосила, мыла полы. Потом приступала к готовке ужина и, если до возвращения Димы оставалось свободное время, садилась за домашние задания по учебе.

Мне нравилось учиться создавать свой собственный уют в доме, через бледно-зеленую шторку в ванной, пушистый коврик, красивые тарелочки, разноцветные подсвечники, гирлянду на окне. Я была уверена, что мои старания придутся по вкусу Диме, что именно так мужчина почувствует заботу о себе и будет знать, что он любим. Хотя, по правде говоря, в процентном соотношении около шестидесяти преобладало мое собственное желание жить в чистом и уютном доме без пылинки и малейшей засохшей капельки, а уже остальные сорок – чтобы мужчина рядом был доволен мной, как хозяйкой.

Бывало, я ловила себя на мысли, что хочу на несколько дней остаться дома одна. Не готовить, не убирать, не слушать истории о противных преподавателях и смеяться, а просто смотреть фильмы о любви и общаться в «ВК» с парнем, что жил в сотнях километрах от меня, до глубокой ночи. Мы с Кириллом не каждый день выходили на связь, поскольку оба учились, он работал, а у меня был молодой человек, с которым мы уже как третий месяц жили вместе. Тоже, по-своему, работа. Но когда мы находили свободную минутку, чтобы просто спросить друг у друга «как твои дела?», на моем лице расцветала улыбка. Наше общение никогда не заходило за рамки, исключительно дружеское. Но порой, особенно по вечерам, когда Дима был у друзей или еще где, но не дома, мне хотелось узнать, каково это услышать именно от Кирилла что-то очень приятное в свой адрес, личное.

Что бы я почувствовала, прочитав подобное? Искрились бы во мне бенгальские огни, как это порой случалось при его обыкновенном вопросе? Так или иначе, но однажды, это случилось. В первый и последний раз.

Накануне своего отъезда в Сургут, Дима, прямо говоря, выбесил меня, как это частенько случалось в наших отношениях. Мы поругались, я даже не поехала на вокзал, чтобы проводить его, посчитав, что это не так уж и важно, ведь через пару дней он снова вернется в Тюмень. Наверное, в свои девятнадцать лет я была слишком вспыльчивой и эмоциональной особой, обращающей огромное внимание на всякие мелочи типа, сдвинутого в сторону, но так и не поправленного коврика в ванной на полу, носки, что валялись под письменным столом Димы и мешали мне жить... Порой, меня раздражал даже стакан, который стоял именно на его столе и в принципе, жить мне ни коим образом не должен был помешать. Наверное, в тот день случилось нечто подобное, уже и сложно припомнить.

Вечером, поужинав пиццей, что доставил курьер, я включила ноутбук и зашла на свою страничку. Первое, куда я посмотрела – статус Кирилла.

– Онлайн, – прошептала я себе под нос и растянулась в улыбке.

«Привет».

Ответ на мое сообщение последовал незамедлительно.

«Привет! Как твои дела, Катюша?»

Я улыбалась. Да так, что наверное смогла бы осчастливить самую унылую страну своими искрами.

«Хорошо все, а у тебя?»

«Неплохо :) Рад, что говорю с тобой!»

«И я!»

Минут десять мы задавали друг другу самые обыкновенные вопросы об учебе, о том, как прошел день и что сегодня ели на ужин. В какой-то момент я заметила зеленую галочку на аватарке Димы – значит, вышел в сеть, но писать ему и уж тем более интересоваться дорбогой не стала. На тот момент любое общение с ним вызвало бы у меня еще большее раздражение.

«Ты одна?»

«Да, а ты?»

«Нет, с друзьями :) Собираемся посидеть где-нибудь!»

«Мм, ну, молодец!»

«Почему ты одна?»

«Дима уехал в Сургут».

«Ты рада?»

Вопрос поставил меня в тупик, хоть я и знала точный ответ на него. Я закусила губу, бросила короткий взгляд на маленькую аватарку Димы, что находилась в самом верху небольшого списка моих онлайн-друзей, и опустила палец на клавишу с буквой «д».

Да, я была рада. Рада возможности побыть одной и поговорить с *тобой*, Кирилл.

Но я не стала отвечать на этот вопрос, а просто сменила тему. Мне казалось, что одним своим словом я предаю что-то, а точнее – кого-то.

«Какие варианты? Куда собрались?»

«В бар или клуб, хз :)»

«Сегодня пятница, надо в клуб!»

«Танцули делать? :)»

«Именно!»

«А ты?»

«Домашняя».

«Мне такая нравится».

И зажглись во мне огни, как на новогодней елке. Я с трудом сглотнула, пробегая глазами по этой короткой фразе, а потом вспомнила бездонные, нежные, чарующие голубые глаза.

«Я вижу перед собой твою улыбку. Она мне снится».

После минутного ступора все во мне задрожало. Я провела рукой по волосам, потом галопом побежала на кухню и выпила стакан воды. Я не слышала его голос, но отчего-то мозг постарался воспроизвести эту фразу тем теплым и таким волнующим меня урчанием.

А я видела твои глаза. Часто, во снах, на парах, даже когда шла пешком домой уставшая через толпы спешащих куда-то людей, я видела перед собой твои глаза, Кирилл.

«Катюш, мы собираемся. Напишу позже, вдруг не будешь еще спать. Не скучай, хорошо? Сегодня пятница!»

«Веселись и отдыхай! Я фильмы смотреть буду, так что может и застанешь меня здесь :)»

«Умница! Я очень хочу. Пока-пока :-*»

Да, смайлы в наше время многое решали. Не было их в переписке, значит собеседник не в настроении, а если есть вот такой – один поцелуй, то у того, кому он был отправлен, может остановиться сердце. Правда может. Мое тогда точно остановилось.

* * *

Я уснула под «500 дней лета», когда часы давно миновали полночь. Утром меня разбудил телефонный звонок от мамы, а закончив разговор с ней, я получила короткое смс-сообщение от Димы.

«Я приехал. Спасибо, что интересуешься».

Из-за этих нескольких слов у меня не было настроения целый день. Я встретила подружку в торговом центре, мы насладились вишневым чаем в какой-то кофейне, потрещали обо всем, как это делают девочки, и спустились в продуктовый магазин. Ира была моей одноклассницей, с которой мы почему-то стали общаться только в десятом классе. На самом деле, мне очень повезло, что она тоже переехала в Тюмень, ведь иначе первый год жизни в этом городе для меня прошел бы не так весело и легко.

– Так и что, я не поняла, Дима на два дня всего в Сургут уехал? – спросила она меня, когда я искала свои любимые зеленые бананы в огромной коробке.

– Мог бы и задержаться там еще на недельку, – ляпнула я.

– О да, жить одной – прекрасно! Хочешь голая ходи, хочешь не готовь, хочешь посуду не мой...

– Нет, я так не могу. Посуду не помыть – боже-боже!

– Да уж, мы бы с тобой не ужились!

– Я бы тебя съела.

– Да я знаю и не спорю даже! А вы поругались что ли? Опять?

– Выбесил меня, как обычно. А утром сообщение прислал, мол, спасибо тебе, что «интересуешься» мной, – изобразила я пальцами кавычки, – я приехал.

– О-о-ой, как хорошо, что у меня никого нет! Ненавижу все эти сопельки, слюнки. Нервы только свои портить!

За все то время, что мы были в торговом центре, я раз сто делала короткие забеги на свою страничку, надеясь увидеть там красную галочку, сообщающую о входящем сообщении. До самого вечера мне никто не писал, – а под «никто», я подразумевала исключительно Кирилла, – и чтобы отвлечь себя от глупых и таких непонятных мыслишек, я набрала ванну и пропала в ней на час с лишним.

Какая-то часть меня страшно сожалела, что я так и не решилась отправить Кириллу в ответ что-то очень волнительное. Что вынуждало меня трепетать и приятно тревожиться. Например, аналогичный смайлик-поцелуй или просто сказать, что по-прежнему вижу перед собой его улыбочное лицо и такие проникновенные глаза. Что мною часто овладевают пугающие мысли и, когда в такие моменты я смотрю на Диму, то самая гадкая и подлая частица меня страшно сожалеет, что на его месте не он, не Кирилл.

Включив очередной выпуск известного реалити-шоу, я села за ноутбук и стала искать для субботней ночи какой-нибудь легкий фильм, как вдруг мой сотовый стал громко звонить, напугав меня до смерти. Я даже не успела нацепить на свою ошарашенную физиономию маску безразличности и придать голосу типичное недовольство, ведь звонил именно Дима. Я поспешно ответила на звонок, чтобы эта громкая мелодия прекратила свое ужасающее существование.

– Да?

Сначала в трубке было тихо, а потом, на заднем фоне, я услышала знакомые мужские голоса.

– Ты слышишь меня?

– Привет, – подозрительно-протяжно поздоровался со мной Дима.

– Привет. Чего делаешь?

Я услышала смех Антона, лучшего друга Димы. Его невозможно спутать ни с кем, поскольку именно этот парень умел предавать букве «а» слишком продолжительное звучание, которое обязательно оканчивалось коротким матом.

– Гуляешь?

– У Тохи сидим пиво пьем. А ты? Что делаешь, *Катюша*?

Мое имя Дима произнес слишком слащавым тоном и несомненно, меня это насторожило. Не будь его голос слишком сладким, как ненавистное мною абрикосовое варенье, меня бы напрягло то, что он назвал меня именно *Катюшей*, что делал крайне редко. Можно сказать,

что вообще никогда! Моему слуху были привычны такие варианты как «Котька», «Ка-а-ать» и «Зай», но никак не *Катюша*. Хотя, на определителе в его сотовом я была именно ею...

– Я в ванной зависала, доела остатки вчерашней пиццы и вот ищу себе какой-нибудь фильм. По телеку ведь, как обычно, ничего нет.

– Мм. Неужели скучаешь, а, *Катюша*?

– Почему ты так странно разговариваешь? Лишнего выпил что ли?

– А ты подумай хорошенько, почему я так *странно разговариваю*.

– Откуда мне знать, – огрызнулась я, – что случилось?

– Да ничего. Нормально все. Рада, что я уехал? Отдыхаешь?

Я нахмурилась, пытаюсь сообразить какую-нибудь колкость в ответ, как вдруг в мозгу точно щелкнуло. Мое сердце забилося, как у зайца, а глаза готовы были выпасть из орбит.

Как он узнал о переписке, когда я всегда предусмотрительно удаляла весь наш чат с Кириллом. И хотя до вчерашнего вечера в нем не было ничего такого, за что Дима мог бы зацепиться и упрекнуть меня, я все равно избавлялась от переписок. На всякий случай. Просто, на всякий случай.

– Ничего сказать мне не хочешь? – спросил он, а потом громко рассмеялся какой-то шутке Антона. – Что? Язык проглотила? Ты мне ответь, это что за хрень такая? Ты себя нормальной считаешь? *Катюша*, чего ты молчишь, поговори со мной!

– Ты меня взломал? – тихо спросила я, все еще не веря в происходящее. А потом, когда мною резко овладело чувство несправедливости из-за абсолютного нежелания Димы сохранять личное пространство и никоим образом не нарушать его, я повысила голос: – Ты взломал меня и читаешь мои переписки?! Какого хрена, Дима?!

– Да это ты мне объясни, какого хрена, Катя? Я уезжаю, а тебе все равно. Ни сообщения, ни звонка. А все почему? Да потому что моей любимой есть чем заняться. У нее тут оказывается мальчик есть по переписке, который никак улыбку её забыть не может. Может, он чего-то еще забыть не может, а?

– Ты что несешь вообще?

– Ты мне объясни, это как так бывает, что два часа тупо провели вместе и уже не можем улыбку твою забыть, а?! Ты считаешь себя нормальной, жить с парнем, спать с ним, отношения строить, но при этом переписываться за его спиной с другим, которого знаешь всего два часа! Катя, два часа!

– Дима, мы просто общаемся! Мы живем в разных городах...

– А будь он в Тюмени, то вы бы уже давно трахались, да? – перебил он меня, повысив голос настолько, что мне пришлось убрать телефон от уха. – Да мне все равно, спрашиваете вы друг у друга о делах или предпочтениях в еде, меня не устраивает сам факт вашего общения, несмотря на то, какое оно, дружеское или нет! Это уже измена, Катя! У меня сейчас просто крышу сорвет от твоих этих глупостей, что ты несешь!

– Ты себя слышишь вообще? Какая измена? Я просто разговариваю с человеком, как делаешь это ты. Я не лезу к тебе в твои переписки, не спрашиваю, что это за девка, которую ты в друзья добавил, потому что я верю тебе!

– Конечно не лезешь, а зачем, когда у тебя такая насыщенная личная жизнь?! Все короче, я приеду и мы разговариваем. Меня сейчас снесет просто от всего, что происходит.

Когда в трубке слышались короткие гудки, в моих глазах стали расплываться темные пятна. Несколько минут я металась из одного угла в другой, грызла губы и недоумевала, каким образом Дима смог прочесть переписку, когда её уже давно не было на моей странице. Да, возможно я и несколько лукавила, когда говорила, что не обращаю внимания на «новых друзей» Димы, особенно, когда ими оказывались какие-то девчонки, но я не лезла в переписки. У меня даже и мысли такой не было, чтобы втайне от него, пока он принимает душ, залезть в «диалоги» и прочесть все, что покажутся мне подозрительными. Может он прав и мне про-

сто действительно некогда было обращать на это внимание, потому что я чувствую такой же грешок за собой?

Всю ночь я прокручивала в голове наш разговор на повышенных тонах, пытаюсь убедить себя, что в нашем с Кириллом общении не было ничего предосудительного. Абсолютно. А то, что во мне растекался теплый шоколад, когда он называл меня *Катюшей* – ни что иное, как девичий психоз. Кому не понравится, когда его имя превращают в такое нежное и ласковое?

Спустя два дня молчания, Кирилл, наконец, написал мне. В понедельник, на лекции по международной журналистике, я открыла пустующее окно нашей переписки и вдруг, как по велению волшебной палочки, от него пришло сообщение.

«Привет, Катюша! Как твои дела?»

Теперь я знала, что и об этой переписке Диме станет известно, поэтому совершенно не понимала, каким образом предложить Кириллу переместиться в другой мессенджер. Кто его знал, вдруг Дима все на свете мог взломать!

«Привет, все хорошо, сижу на лекции».

«Извини, я тут пропал на два дня :)»

«Должно быть, пятница выдалась веселой!»

«Не то слово... :) Как прошли твои выходные, Катюш?»

Капитально ужасно.

«Пойдет. Фильмы смотрела».

Я все думала, как же намекнуть ему на конкретный мессенджер, не говоря о нем прямо, чтобы оставить в неведении Диму, как вдруг, меня осенило. Открыв в телефоне иконку ICQ, я ввела имя и фамилию, после чего нажала на поиск. Мне предложили несколько вариантов, но я выбрала тот, где значился город Пермь. Оставалось только дождаться подтверждения от Кирилла.

Когда я вернулась в наш чат, Кирилл уже написал мне о том, как в пятницу их посиделки с друзьями начались в пивном баре, продолжились в ночном клубе, а закончились на даче у одного из ребят. Я все время отправляла смеющиеся смайлики, абсолютно не зная, как же намекнуть ему на скорейшую смену нашего положения.

«Ты любишь читать?»

«Не очень :)))»

«Асю Тургенева читал? :)»

«Ну, в школе еще, наверное. А почему спрашиваешь? :)))»

Я чувствовала себя самым неудачным спецагентом самой провальной шпионской организации.

«Да просто, вот мы сейчас на парах опять проходим её, Аську эту. Думала, вдруг ты её читал и она тебе понравилась! :)»

«Это же классика, да? Я не любитель такого :)»

«Ты что, как же Аську можно не любить! Обязательно прочитай. Обязательно! :)»

«Хочешь, чтобы и я мучился вместе с тобой :) Не-а. Тут ты сама, Катюша :)»

«Все любят Аську! Понимаешь, ВСЕ!»

«А я – исключение :) Катюш, я на пары буду собираться. Хорошего тебе дня! Аської этой не увлекайся уж так! :)»

Я безнадежно вздохнула. Теперь в его глазах я выглядела сумасшедшей идиоткой, повернутой на Тургеневской Асе.

«Спасибо, и тебе хорошего дня!»

* * *

После занятий я зашла в магазин за свежим хлебом, а вернувшись домой, стала морально готовиться к возвращению Димы. И тут я тоже решила проявить свой характер, отбросив идею поехать на вокзал и лично встретить любимого. Примерив у зеркала маску глубокого недовольства и полнейшего разочарования, я подмигнула себе и пошла заниматься приготовлением ужина. Я наспех выполнила домашнюю работу по учебе и, когда у меня еще оставались свободные минутки, зашла в ICQ. Каково же было мое удивление, когда я прочитала сообщение от Кирилла, что он отправил мне спустя двадцать минут, после нашего общения в «ВК» сегодня утром.

«Весьма сообразительно, милая! :) Спасибо тебе, Тургенев!»

Сложно описать мои эмоции в тот момент, но я заверещала от восторга так громко, что прикрыла свои же уши. Я гордилась собой, обожала смекалку Кирилла, что все же сумел понять истинную суть моих слов.

«Скажи честно, посчитал меня идиоткой?»

«Ни в коем случае!!! Ну, если только слегка повернутой конкретно на этой Аське :)»

«Я очень рада, что ты здесь! Не ожидала вообще :)»

«Не глупый парень».

«Чертовски сообразительный :)! До сих пор не понимаю, почему мы раньше сюда не перешли?»

«А почему мы прикрывались Тургеневым?»

Я поджала губы. Мои пальцы зависли над сенсорным экраном.

«Так получилось. Ты не против?»

«Нисколько. Надеюсь, у тебя все хорошо?»

Раздался звонок домофона. Мое сердце подскочило к самому горлу, я ринулась в коридор и нажала на кнопку.

«Я должна идти. Напишу позже, хорошо?»

«Хорошо. Буду ждать, Катюша!»

Я с улыбкой закрыла приложение и положила телефон на стол. Когда Дима позвонил в дверь, я, набрав в легкие воздух, провернула замок, старательно изображая хладнокровное спокойствие.

– Привет, – сухо поздоровался он и зашел в квартиру.

– Привет.

– Спасибо, что встретила, – усмехнулся Дима, развязывая свои кроссовки. – Наверное, опять занята была.

– Ты с самого порога отношения собрался выяснять?

– Я не люблю тянуть кота за хвост. – Он выпрямился, посмотрел на меня уставшими, но выискивающими глазами. – Пошли говорить.

– Давай, ты поешь сначала, в душ сходишь, а потом мы поговорим?

– Нет, мы будем *сейчас* говорить.

Я пожала плечами и хлопнула в ладоши.

– Твое дело.

Пока я сидела в своем крутящемся кресле и наблюдала за тем, как Дима разбирал свою черную спортивную сумку, во мне плясал довольный кузнечик. Я все еще не могла поверить, что Кирилл действительно понял меня, потому что будь я на его месте, то мне понадобились бы месяцы на это, да и то не факт, что мой мозг решил бы эту задачку.

– Тебе весело что ли? Чего ты так улыбаешься?

– Рада, что ты вернулся, – съехидничала я. Нет, в тот момент я думала о Кирилле. – А вот по тебе этого никак не скажешь.

– Да, не скажешь. Меня, знаешь ли, как-то не особо веселит новость о том, что моя девушка ведет тайную переписку с другим парнем. Если бы Ваня не проговорился о нем тогда, летом, я бы и знать не знал, что этот футболист существует.

Ох, Ваня, маленький и еще такой глупенький мой братик!

– Неужели ты не понимаешь, что придаешь слишком большое значение простому общению? Дима, мы в разных городах живем, не каждый день общаемся, не говорим друг другу что-то такое, за что действительно можно было наезжать на меня. Я этого человека видела всего два часа!

– Так вот ты и объясни мне, какого хрена ты сообщаешь ему свою фамилию, добавляешь в друзья и по сей день продолжаешь общение? – спросил он, рухнув в свое кресло. – Я не понимаю, объясни мне! Как за два часа вы успели так вцепиться друг в друга?!

– Да никто не цеплялся друг за друга, что ты несешь вообще? Ты приехал в универ, завел знакомства, добавил своих однокурсников в друзья, но при этом, ты не знаешь этих людей абсолютно! Так и что теперь, это значит, что ко всем ним ты прилип что ли?! Это знакомства, просто знакомства и поддержание связи вот и все.

– Я не пишу какой-нибудь Алисе, что не могу забыть её улыбку, Катя!

– А никто из нас этого и не писал! Не внимательно ты как-то читал значит, – фыркнула я, закатив глаза.

– Смысл был именно этот. И ты это знаешь. По-хорошему, ты должна была уже давно сказать ему, что у тебя есть молодой человек и прекратить общение. Но тебе же нравится, когда тебя засыпают комплиментами и вниманием! Моих то тебе недостаточно.

– О чем мы ведем разговор, Дим? Чего ты хочешь от меня? Я сказала, что между нами с Кириллом только общение и все. Только общение! Он знает, что я не одна и ничего *такого* мне не пишет.

– Твоя улыбка перед его глазами – ничего такого, верно?

– Это бессмысленный какой-то разговор. Скажи уже, что ты хочешь и все.

– Я хочу, чтобы этого твоего Кирилла больше не было, – серьезным тоном объявил Дима. Он демонстративно сложил руки на груди и забросил ноги на край дивана.

– Мне что, убить его что ли теперь?

– Удали его отовсюду, где он у тебя есть. В черный список – куда угодно, но этот человек должен исчезнуть из твоей жизни.

Я часто заморгала, потом издала нервный смешок и с улыбкой уставилась на Диму.

– Почему я должна это делать?

– Ты серьезно сейчас что ли? Я тебе говорю, что *мне* неприятно это общение, что меня просто вымораживает от того, что моя девушка, с которой я живу, переписывается с другим парнем! Ты дура или как вообще?

– Не ори на меня, – прорычала я, впиваясь пальцами в мягкое сиденье. – Мы общаемся, Дима. Мы просто об...

– Да мне как-то все равно, Катя! Называй это как хочешь, как тебе удобно! Для меня все это измена! Если бы я увидел, что ты написала ему нечто подобное, как он про улыбку, клянусь, меня бы здесь уже не было! Ты просто поставь себя на мое место. Ты живешь такая, улыбаешься, смеешься и тут вдруг узнаешь, что у меня переписка с другой девушкой. Она мне пишет про мою улыбку, глаза и все такое прочее, как ты к этому отнесешься? Тебе понравится?

Нет, мне бы это не понравилось.

– Ну? Ответь, пожалуйста!

– Нет.

– Что и требовалось доказать. Если ты думаешь, что узнав о вашем знакомстве тогда от Вани, я улыбался, потому что мне было весело – то ты полная дура. Мне вообще не до смеха было, потому что я увидел, как твои глаза загорелись. Будь тебе все равно, ты бы Ваню под столом не пихала.

– Ты мне не доверяешь?

– Я этому пареньку не доверяю, который в курсе, что у тебя есть молодой человек и все равно продолжает писать тебе. Зачем ты общаешься с ним?

– Нравится, вот и общаюсь.

– А мне это не нравится. И в первую очередь ты должна мои интересы учитывать, потому что ты ведь вроде как любишь меня, – усмехнулся Дима, склонив на бок голову. – Или все, прошла любовь, после того, как ты встретила этого Кирилла?

– Что за бред ты опять несешь?!

– Тогда какого хрена ты выясняешь, почему я хочу, чтобы ваше общение прекратилось?! Если ты меня любишь, ты без разговоров сделаешь то, что хочет твой любимый человек! Я тебе говорю, что для меня это измена, а ты опять начинаешь, чего, почему и как? Любишь и дорожишь мной, тогда сделай так, как я хочу, без лишней болтовни, потому что именно она вынуждает меня думать обратное!

Я заметила, что плачу, когда слезы уже стекали по шее. Пока Дима говорил, воображение уже передало ощущение утраты таких размеров, что ею можно было бы накрыть все футбольные поля целого мира. Я совершенно не знала, как объяснить все это Кириллу, и если бы он спросил меня, действительно ли я хочу прервать общение, то мое сознание тут же зависло бы на неопределенное время, как старинный, покрывшийся тоннами пыли процессор.

– Любишь меня? – спросил Дима, медленно приближаясь ко мне. От того, что я продолжала сидеть в кресле, а он возвышаться надо мной, самой себе я казалась той самой беспомощной Дюймовочкой, сказку о которой ненавидела с самого детства. – Катя, ты меня любишь?

– Да.

– Тогда вычеркни этого человека из своей жизни. И пускай для тебя это всего лишь безобидное общение, и пускай вы виделись всего пару часов, но мне – твоему любимому человеку, это не нравится. *Мне* это не нравится. Ты ведь не такая, как сама знаешь *кто*.

Нет, я не была такой, как папа. И никогда ею не буду. Никогда.

Вот только...

Если бы нас с Кириллом разделяли не сотни километров, если бы можно было просто сесть в автобус и приехать к нему, чтобы узнать намного больше, чем за те два часа – наверное, я бы не испугалась. Не побоялась бы лишиться стабильности, что постепенно обретала с Димой, не тревожилась бы за полное уничтожение моего будущего, что вырисовывали для меня родители с явным упором на создание счастливой семьи. Если бы у меня была возможность прямо тогда сесть в такси и приехать к человеку, чьи глаза завораживали меня во снах, я бы ею воспользовалась. Мне нужно было удостовериться, что те бабочки в животе, тот трепет и частые остановки сердца в аэропорту – не просто мое болезненное воображение, а самые настоящие чувства, вспыхнувшие просто вот так из воздуха! Если бы только *он* не был так далеко от меня...

– Хорошо, – шепотом сказала я, опустив голову. – Я ему все объясню и мы перестанем общаться.

– Нет.

Я подняла голову и захлопала глазами.

– Ты ему ничего не обязана объяснять. Этот человек тебе никто, чтобы ты распиналась перед ним. Просто взяла и удалила. Отовсюду. Закрыла доступ к себе. Если умный парень – поймет, что к чему и перестанет лезть.

– Дим, я не могу так поступить. Я спокойно все ему объясню, я не хочу, чтобы он считал меня бесчувственной тварью, которая даже ничего объяс...

– Нет! Или ты делаешь это без лишних разговоров, или наша жизнь резко меняется. Я уже устал тебе объяснять элементарные вещи, которые понял бы и ребенок! Сейчас же. Со мной ты удаляешь его отовсюду.

Мне казалось, что я сплю. Такая бредовая ситуация, такой нелепый момент, но все во мне с каждой секундой моего затянувшегося молчания разъедала страшная и дикая вина перед Кириллом, но еще больше – перед собой. Я лишала себя чего-то. Глядя на неуступчивого и резкого Диму, мои мысли вернулись к тем двум часам в аэропорту. Мягкая улыбка, пронизывающий всю меня взгляд, теплые и крепкие объятия на прощание... Все это может жить исключительно в моей голове и совершенно не быть такой яркой и согревающей меня правдой.

Я медленно повернулась к ноутбуку и сделала то, чего не желала делать.

«Ты ведь не такая, как сама знаешь кто».

Нет. Ни за что. Потому что прекрасно знала, что это такое. Я *видела*, что это. И я всегда все слышала: все разговоры и все рыдания. Я чувствовала, может и не всю, но все же боль. И это было так убийственно, что хотелось выброситься из окна, лишь бы заставить двух людей думать о чем-то другом, переживать за что-то другое, но не за *то*.

Наверное, так все и начинается, с безобидной переписки и легкого общения, что чуть позже превращается в связь, которую уже ничем невозможно будет уничтожить. Да, наверное, так все и происходило.

Я кликнула на аватарку Кирилла и на экране высветилась его страница.

«Убрать из друзей».

– Нажимай.

Я нажала.

– В настройках заходи в «Черный список».

Я зашла.

«Я вижу перед собой твою улыбку» – пронеслось в моей голове.

А я, Кирилл, по-прежнему видела твои глаза.

Глава 4

наши дни

Самый лучший подарок в мой день рождения – долгожданный приезд любимой мамы. Мы с Ваней надули воздушные шарик разных цветов и теперь стоим дурачимся, а бабушка с тетей Олей переминаются с ноги на ногу и с нетерпением ждут, когда же слабое кряхтенье автомобиля послышится на дороге.

– Давай, напугаем их? – предлагает Ваня, скорчив рожицу. – Я подкрадусь и шарик про-
ткну, а?

– Ага, а потом мы мой торт будем в больнице есть, да? Потому что этих дамочек туда определяют после твоей шалости.

Внезапно две сестрицы забегают во двор и закрывают калитку на щеколду, а потом таращатся на нас с Ваней так, словно случайно разбили фару на машине соседа и боятся быть обнаруженными.

– Кажется, такси едет! – тихонько воскликнула тетя Оля, потирая ладошки. – Аленушка наша!

– А чего попрятались то? – смеюсь я.

– Да не знаю, Галка побежала, а я следом за ней!

Мы с Ваней выходим на улицу, размахивая над головами воздушными шарами, и с довольными улыбками наблюдаем, как черный автомобиль уже паркуется около нашего двора.

– Ма-а-амочка! – громко восклицаю я и открываю заднюю дверцу. Наша мама расплывается в несколько сконфуженной, но счастливой улыбке. – Привет, красавица наша!

– Шарик, божечки!

– Аленушка, какая ты у нас красивая! – напевает тетя Оля и обнимает маму, которая оглядывает всех уставшими с долгой дороги глазами.

Невозможно не заметить, что её внимательный и обеспокоенный взгляд совершает длительные остановки только на мне. Мама как будто уже сейчас старается убедиться, что со мной действительно все в полном порядке, что я не схожу с ума и улыбаюсь по-настоящему искренне.

Спустя двадцать минут все мы сидим за обеденным столом, едим красный борщ, что сварила тетя Оля, грызем вареную кукурузу и слушаем «полюбившуюся» мне за эти три месяца передачу «Давай, поженимся». Мы с Ваней смотрим её иногда просто для того, чтобы повеселиться, а не потому что она боже-мой как нам нравится, в отличие от наших бабулек-сестричек.

– Аленушка, ты похудела совсем! Прям ручки такие тоненькие стали.

– Так она же в зал ходит, – говорит Ваня тете Оле, что продолжает щупать мамину руку. – У нее мышцы каменные стали!

– Ой, прям уж похудела! Слушайте, только тетя Оля может сварить такой вкусный красный борщ! У меня совершенно другой получается, как бы я не старалась.

– Как и у меня, – говорю я, улыбаясь маме. – То есть, получался. Я больше ничего такого не варю.

И вряд ли буду. Вообще, я очень люблю готовить и экспериментировать на кухне, но когда не для кого это делать – какой смысл? Я уже сейчас представляю, как вернусь в Тюмень и буду жить на одном рисе, гречке и пюре, потому что заморачиваться над приготовлением какого-нибудь шедевра для себя одной не считаю нужным.

– Насмотреться на тебя не могу! – все причитает тетя Оля, поглаживая маму по руке. – Катюша наша на тебя похожа! Если бы еще такой же брюнеткой была, то один в один.

– Она когда глаза закатит, то на папу похожа! – вставляет Ваня, смеясь надо мной.

– Замолчи.

– Как будто окосевшая такая сидит и всех учить жизни собирается! – продолжает веселиться мой брат, бросив объединенный кочан кукурузы в большую ярко-красную чашку.

Мы с мамой переглядываемся: она улыбается мне, мол «да ладно тебе, не обращай внимания», а я же посылаю ей уставший взгляд и едва заметно киваю.

Мама у нас настоящая красавица. Самая добрая и терпеливая. И хотя первый пункт ставят под легкое сомнение её достаточно резкие и острые черты лица, стоит ей только улыбнуться и вся её внешняя колкость мгновенно разглаживается. Иногда я думаю, не будь она такой терпеливой, какая есть, то уже давно бы встретила мужчину, который по-настоящему носил бы её на руках. Я бы, наверное, больше и не услышала из её уст, что все они одинаковые, все они козлы, все они ходят налево и всем им всегда мало одной женщины. Пожалуй, я чересчур мечтательная и наивная особа, раз до сих пор верю в существование самых-самых. Столько лет видя перед собой гадкое предательство, я продолжаю уверять себя, что где-то в мире существуют идеальные люди, что точно пазлы скрепляются друг с другом. Невозможно соединить две части с разными углами и впадинами, как ни крути, они все равно где-то не сойдутся. Но ведь любая картинка в конечном итоге должна получиться, верно?

– Ты такая загорелая, – говорит она мне, развеяв мои мысли. – Впервые вижу тебя такой темненькой.

– Она без лифчика загорала! – вставляет Ваня, закатив глаза. – У меня шея болела лежать в одном положении, потому что поворачиваться нельзя было!

– Тебе всего пятнадцать лет, но ты все чаще напоминаешь мне старого дедка, который делает «бу-бу-бу» себе под нос.

– Мама, там люди были, а она голая лежала!

– Не голая, а топлес, умник, – подмигиваю я Ване, который этим летом открылся для меня совершенно с новой стороны.

Недели три назад старый знакомый пригласил меня на вечернюю прогулку. Он выгуливал своего огромного пса, с которым днем страшно было появляться на людях, потому что видок у этого хвостатого был не шибко дружелюбный. Я сообщила женщинам, что вернусь домой к одиннадцати, и, услышав это, Ваня начал наводить такую панику, что под конец, когда мне уже нужно было идти на встречу, из меня лезли рога и выходил красный пар.

– Катя, кто он? Ты его знаешь? А где именно вы будете гулять? Почему ты надеваешь юбку? Жарко? Нет, нисколько. Ты же у нас та еще мерзлячка, а тут вдруг жарко! Во сколько придешь? Я тебе буду писать сообщения, отвечай на них!

Да мне и в шестнадцать лет такой допрос не проводили, хотя тогда мне казалось, что я жила с самыми строгими взрослыми и проклинала весь этот мир за такую вопиющую несправедливость. А тут вдруг младший брат. Пятнадцатилетний мальчик говорит двадцатисемилетней девушке, во сколько быть дома, как одеваться и где именно гулять. Вернувшись домой и заметно успокоившись, я спросила у Вани, в чем причина его таких глубоких, но бессмысленных переживаний.

– У тебя всегда был Дима. Не могу свыкнуться, что теперь все иначе.

Я была так тронута этими словами, что прижала мелкого к себе и едва сдержала слезы. Когда Дима появился в моей жизни, Ване было шесть и ясное дело, что за столько лет мой брат даже никогда не задумывался о каких-то других парнях своей сестры, потому что их вовсе не было. Он не знает, что такое отпускать сестру на свидание с одним, а через месяц с другим парнем, поэтому то, как бурно я отреагировала на его допрос, несомненно, вынуждало меня ощущать глубокое чувство вины.

После обеда и рассказов мамы о работе и запуске новой клиники, мы все уходим в дом. Наша новоиспеченная гостья ложится на диван, бабули рядом, а мы с Ваней опускаемся на пол и играем в карты.

– Как там Мартин? – спрашивает Ваня, глядя в свою колоду.

Мама вздыхает:

– Как еще, получает от папы. По полной программе.

Мы с ней переглядываемся и обе одновременно поджимаем губы.

– Так и гадит?

– Не знаю, что с ним стало. Все ведь хорошо было. Как кастрировали, так начал сюрпризы делать. И ладно бы куда-нибудь на пол, чтобы я тихонько убрала и Сережа не видел, так ведь он на нашу постель это делает. Пометит и уйдет. На прошлой неделе лужа такая была, что матрас промок.

– Мои как? – поспешно спрашиваю я, чувствуя себя перед Ваней настоящей эгоисткой. Ребенок очень переживает и безгранично любит своего огромного и такого доброго кота, но когда тот остается один на один с нашим папой – постоянно случается какая-то напасть.

– Хорошо, – уклончиво отвечает мама, а потом спрашивает у тети Оли о её дочери, что не так давно перенесла тяжелую операцию.

– Мама? – с тревогой гляжу на нее и опускаю свою колоду карт на пол. – С моими котами все в порядке?

Пусть меня посчитают глупой кошатницей, что готова последний кусок хлеба хвостатым отдать, а сама с голоду умереть, но я все равно не перестану безгранично любить своих питомцев. Каждый из них троих особенно дорог мне. Тишу, черного и беспородного с белыми лапками, подарил мне Дима на девятнадцатилетие. Принес крошечным комочком на плече с красной ленточкой. Из всей троицы именно он видится мне самым мудрым и шибко умным котом. Спустя шесть лет у нас появился рыжий мейн-кун – сыночек Мартина и рыжей красавицы Теи, которую мы с Димой подарили маме на день рождения. Лунтик – самый ласковый и ручной, а еще невероятно жадный до еды. Распродав котят, мы с мамой решили, что для нашего счастья и спокойствия вполне достаточно одного помета, поэтому приняли решение кастрировать Мартина, чтобы этот кавалер не приставал больше к нашей милой девочке. Однако, этот шустрик успел заделать еще котят за день до операции. Так, со второго помета я уговорила Диму оставить у нас маленькую трехцветную девочку. Я знала, что количество котов в нашей семье станет огромным раздражителем для моего папы, который спал и видел только внуков, внуков, внуков, внуков. Бурная реакция последовала незамедлительно – папа звонил и писал Диме смс-сообщения, чтобы тот как можно скорее избавился от Бусинки, потому что нам, черт возьми, надо было детей заводить, а не котов. И оставляя своих питомцев у своих же родителей, я, уезжая на лето к бабушке, почувствовала странную и внезапную пустоту внутри – то чувство явно что-то значило. И сейчас, глядя на заметно поникшую маму, я больше чем уверена, что тогда оно появилось не просто так.

– Что случилось, мам? С моими все в порядке? Они дома? Почему ты молчишь?

– Сначала я хочу тебе сказать, что с каждым из них все хорошо.

– Он их раздал... Он их раздал?! – взрываюсь я и подскакиваю на ноги. – Кому?! Как?!

– Катя, мы раздали только девочек...

– Но почему?! – кричу я, не веря собственным ушам. – За что он так?! Она же моя была! Буся моя была!

– Пожалуйста, не нервничай, доченька, – говорит мама, сев на край дивана. – Ты ведь знаешь его...

– Что он за человек то такой?! Чем она помешала ему? Чем?! Как он это объяснил? Говори, мам, как он объяснил свой поступок?!

– Тебе нужно личную жизнь строить, а не с котами жить, – отвечает мама так тихо, что мне приходится вглядываться в её рот. – У Буси хороший дом, её там очень любят, поверь мне.

– Как мои коты мешают строить мне личную жизнь? Каким образом?! Я не хочу её строить сейчас, я вообще сейчас ни одного мужика видеть не хочу! Как он мог так поступить со мной?! Почему он постоянно сует свой нос туда, куда не должен?!

Я рыдаю, да так, что уже сама не слышу и не понимаю, что говорю. Выхожу на улицу, сгибаюсь пополам и смотрю на то, как капли слез остаются на светлой плитке темными пятнышками.

Она для меня никогда не была всего лишь кошкой. Я бы запирала каждую тварь в темном и холодном подвале, которая без зазрения совести мучила и избавлялась от животных. Я презираю всех, кто внушает даже глупым хомячкам свою любовь, а потом вышвыривают их на улицу, потому что те надоели. Почему же вы не избавляетесь так от своих детей, которые ломают, гадят, портят и все вокруг пачкают? Почему *их* вы не выставляете в коробке в холодном подъезде, а потом не подносите им молочко на блюдце? Они же все дети. Все, черт возьми, дети, которые не смогут сами о себе позаботиться!

Личная жизнь.

Внуки.

Личная жизнь.

Внуки...

«Да, у меня не вышло, папа! Не получилось сделать тебе внуков, на которых перешло бы все твое внимание, но я старалась. Нет, мы старались. Мы пытались, но ничего не выходило, уж извини, что так. Извини, что не все зависит от меня и что-то я все-таки не смогу сделать так, как хочешь ты! А ты всегда делаешь только то, что считаешь нужным! Всегда. Хочешь словом задеть – задеваешь. Хочешь свою власть продемонстрировать – демонстрируешь. А хочешь, чтобы я немедленно начала свою личную жизнь налаживать – хрен тебе. Да-да, именно так. До этой самой минуты я делала все, чтобы угодить тебе, чтобы ты гордился мной и никогда даже не посмел сказать, что я чем-то тебя разочаровала. Ты ведь папа. Ты всегда старался ради нас, так почему же я не должна делать того же для тебя? И я делала, возможно, что ты и не замечал этого, ведь у тебя всегда была еще одна жизнь, с которой ты сравнивал нас с мамой. И даже это не останавливало меня, я всегда была за тебя, потому что я твоя дочь. Мне хотелось быть маленькой рядом с тобой; даже в свои двадцать семь лет, я хочу быть маленькой и беспомощной, а не боевой и вечно остерегающейся бабой!

Я боюсь смеяться и особенно боюсь, когда смеешься ты. Потому что дальше, не сегодня так завтра, последуют слезы. Всегда ведь так: за белой полосой идет темная, за штормом обязательно следует штиль. А знаешь, как у нас в семье? Черная полоса настолько длинная, что когда подходишь к слишком короткой светлой, хочешь просто перешагнуть её, потому что даже к слабому свету очень быстро привыкаешь и очень долго и болезненно прощаешься с ним».

Будь я смелее, наверное, озвучила бы папе свои мысли. Наверное, научилась бы разговаривать с ним по душам, смогла бы раскрыть ему свои чувства. Каждое в отдельности. А их так много, что нам не хватило бы одного вечера и бутылки виски. Но я, к моему глубочайшему сожалению, стану продолжать держать оборону где-то внутри себя. Я не настолько сильна, как это может показаться со стороны.

– Доченька?

Я оглядываюсь, а потом выпрямляюсь. У мамы блещут глаза, и я ненавижу себя за то, что именно моя реакция стала тому причиной. Она обнимает меня так, словно виновата передо мной, а я опускаю руки на её голову, точно стараюсь утешить.

– Извини меня, пожалуйста. Я испортила твой день рождения.

– Ничего ты не испортила, мам. Ты приехала сегодня, а я тебя очень ждала. Самый лучший подарок.

– У Буси хороший дом, Катюш. Не переживай за нее.

– А Тея? С ней все хорошо?

– И с ней тоже все хорошо. Люди за городом живут, купили для нее большой домик. Я сделала все, что только было в моих силах.

– Я знаю это. Спасибо, мам. Я люблю тебя.

– А я очень-очень люблю тебя, доченька.

* * *

– О, боги! Ты просто шикарна, крошка! – Ира бежит навстречу ко мне и обнимает так, словно мы не виделись с ней несколько лет. – Волосы подстригла, загорелая, в юбочке короткой! Да ты просто богиня!

– Скажешь тоже, – усмехаюсь я и киваю на машину, – садись, давай! Как доехала вчера?

В салоне тихо играет Matrang. Ира, как обычно, сначала пристегивает ремень безопасности и только после этого начинает говорить. Порой мне кажется, что она со школы ни капельки не изменилась. Её всегда поражает удивительная способность Джаред Лето не стареть и оставаться одинаковым, но так-то по сути, она сама не далеко от него ушла. Все такого же хрупкого телосложения, хотя всякий раз, когда мы видимся, она утверждает, что набрала лишние кило. Не припомню, что когда-нибудь видела её темные волосы в хвостике или пучке – они всегда распущенны и блестят чистотой. Она одна из тех девушек, что даже лохматая и без макияжа может очаровать своей девичьей естественностью, хотя сама это отказывается признавать.

– Вчера ливень такой был, ужас! Мы пока с мамой добежали до машины, насквозь промокли. Еще и чемоданы за собой тащили, потому что папа с зонтиком долго разбирался и помочь нам не спешил.

– Да уж. Я всю ночь переживала, что папин вылет отменят и он никуда не улетит.

– Он в Крыму уже?

– Угу, – протягиваю я и выезжаю на дорогу. Сегодня ранним утром я отвезла его в аэропорт и с облегчением выдохнула. – Я заказала роллы и купила наше любимое шампанское!

– О-о-о! Это то, которое я приносила несколько вечеров подряд, когда вы с Димой разводились?

– Оно самое, детка, – подмигиваю я, мельком припомнив те долгие вечера со слезами, шампанским и разговорами о моей провалившейся в бездонную яму семейной жизни. – Ну, а ты то как отдохнула? К бабушке ведь ездили с мамой, да?

Ира рассказывает о своем двухнедельном отпуске в Альметьевске, пока мы движемся в вечернем потоке автомобилей. На самом деле, я очень скучала по этим нашим разговорам, что строились по принципу «сначала обсуждение последних новостей, а потом вернемся к прошлому и поспрашиваем детали еще раз». И к тому моменту, когда мы поднялись в квартиру, первая часть была уже благополучно выполнена.

– Располагайся, а я сейчас, – говорю подруге, а сама на пару минут скрываюсь в ванной комнате. Вернувшись в гостиную, я обнаруживаю Иру у телевизора. Она смеется, наблюдая за неуклюжими попытками героев моего любимого сериала «Друзья» унести огромный диван вверх по лестнице. – Клевая серия!

– Да они все клевые.

– Ты садись, я сейчас бутылку открою. Ужин должны подвести с минуту на минуту.

– А я так проголодалась! Знаешь, я последнее время так много ем, может я беременна? Ну вот, началось.

– Постоянно жрать хочу, особенно по ночам. У меня уже бока свисают, скоро джинсы треснут!

С пробкой от бутылки я разделяюсь достаточно быстро – опыт как-никак. Вообще, на любом девчачьем сборище, где бы я не была, функцию откупоривания и разливания постоянно переключают на меня. Как будто у меня на лице написано, что я не смогу отказать в такой обычной просьбе и стану безоговорочно обслуживать каждую девчонку, как вежливый паренек. И самое обидное, что когда в моем бокале заканчивается игристое, никто не додумывается хотя бы разок поухаживать за мной, тихонько наполнив фужер. Не знаю, может эта

моя дурацкая самостоятельность идет впереди меня и дает всем понять, что я все могу и хочу делать сама?

Нам привозят ужин. Пока я вскрываю упаковку апельсинового сока, Ира расставляет пластиковые контейнеры с едой на столе.

– Я тут на днях Гришу нашего видела, – говорит она, осторожно вскрывая баночки с соевым соусом. – Весь в татуировках!

– Ляпочкин? – уточняю я, имея в виду нашего одноклассника, над которым всю школьную жизнь смеялись все, кому не лень. А точнее – над его походкой «пружинки».

– Он самый. Ты заходила на его страницу в «ВК»? Видела фотки?

– Я её восстановила всего несколько дней назад.

– А, ну да...

– И что это за пауза такая? – усмехаюсь я и ставлю стаканы с соком на стол. – Я пережила это, слава богу. В какой-то момент поняла, что не могу каждый день по миллиону раз заходить на страницу Димы и проводить сканирование.

– Кому лайки поставил, кого добавил...

– Вот именно. Меня все дергало и цепляло. Пришлось удалиться из «ВК», потому что я уже не вывозила морально все это.

– А теперь?

Мы садимся напротив друг друга и берем бокалы с шампанским.

– А теперь мне, наконец-то, абсолютно все равно, – искренне улыбаюсь я. – Сейчас я вообще не понимаю того своего убийственного состояния. Зачем? Для чего? Только нервы себе трепала.

– А помнишь, как ты плакала? Когда я тебе говорила, что Катя, очень скоро ты будешь вспоминать именно эту минуту и не понимать, какого черта так себя изводила, помнишь?

– Помню.

Ира вздыхает, но продолжает внимательно глядеть на меня.

– Точно отпустило? Прямо вот все?

– Я три месяца пила успокоительные, – улыбаюсь я, вспоминая, как бабушка все причитала, что так нельзя и эти таблетки, несмотря на слова в рекламе, все равно вызовут привыкание, – не знаю, был ли толк от них. Почти каждую ночь мне снился один и тот же сон и, просыпаясь, у меня от боли живот сводило. Я видела, как он шел под ручку с другой девушкой. Ну, ты знаешь с какой именно. И всякий раз видя это, я прям ощущала это режущее чувство неуверенности и дикого, страшного дискомфорта. Как будто я девяносто девять лет жила по одним правилам и установкам, а потом вдруг раз – и на сотый год моей жизни происходит революция, а все то, к чему я привыкла просто перестает работать. И, наверное, в какой-то момент я замучила себя до такой степени, что мой мозг решил, наконец, на Delete нажать. Спасибо ему за это.

– Помнишь, я тебе говорила?

Я улыбаюсь:

– Помню. Я старалась любить его так, как нужно любить мужчину, но у меня ничего не вышло. Наверное, я не заточена под все это...

– Невозможно, Катюш, *стараться* полюбить. Она либо есть, либо её нет. И под все ты там заточена, просто человек не твой оказался... Давай, за любовь? Я вот, например, вообще не знаю, что это такое, но уверена – она существует! Поэтому, пусть эта мадам уже ворвется в наши жизни!

Поддерживаю тост и делаю несколько глотков. Мы синхронно протягиваем довольное «mmm», смакуя вкус игристого, и приступаем к еде.

– погоди! А что ты скажешь о тех, кого насильно замуж выдают? Там-то любви точно нет никакой, но за годы люди все же обретают её.

– Ну, да, когда выбора нет, что остается то? – хмыкает Ира. – Это чувство, что по сей день остается для меня загадкой, должно появиться вот так, – щелкает она пальцами. – Может и не сразу, конечно, с встречи так второй-третьей. Да и вообще, его можно и не осознавать до конца, не понимать и принимать, потому что все мы в некотором роде скептики, но душа ведь требует магии, пусть даже и шепотом.

– Ты так говоришь, как будто точно знаешь, что это такое, – играю я бровями. – Образ не того ли парня витает над тобой, о котором ты мне на свадьбе рассказывала?

– Я? – хлопает глазами Ира, перестав пережевывать ролл.

– Вообще-то, ты, – смеюсь я. – Ты же вроде не пьяненькая тогда была, чтобы забыть об этом.

– Да помню я, просто думала, что ты меня не слушала вообще в тот момент. Ты же на унитаза сидела!

– И не могла пописать, потому что у тебя не закрывался рот.

– Ты не могла пописать, потому что уже тогда сомневалась в правильности своих решений. – Ира замолкает и часто хлопает глазами. – Извини. Давай, не будем больше об этом? Все прошло и слава богу!

– Не парься, все замечательно у меня, – подмигиваю я и опускаю ролл в соевый соус. – Вкусный ужин хоть?

– Очень! Ты всегда в этом ресторане заказываешь?

– Стараюсь не экспериментировать. Так и что там с Гришей?

– А! Точно! Он же стал фитнес-тренером! Накачался, татуировки набил.

– Гриша? Фитнес-тренером?

– Ага! А еще, у него были фотки на странице с какого-то соревнования, там бодибилдеры на сцене стояли и наш одноклассник – в самом центре!

– Серьезно?! Мне сложно представить Гришу качком. Он ведь всегда плоским был, как доска.

– Всё меняется, – загадочно ухмыляется Ира, – поедим, включишь свой бук и посмотрим на него. Мой Паша видел, как я однажды рассматривала его.

– Подзатыльник не дал?

– Нет, что ты! Мы вместе смотрели потом.

Я смеюсь, а Ира пытается засунуть в рот огромный ролл, который было бы куда лучше разрезать на две равные половинки.

– Ты уже зарегилась на сайте знакомств? – издевается надо мной подруга. – Смотрела, какие нынче мужики есть? Какие бывают? Какие в моде?

– Мое отчаяние еще не достигло таких масштабов, – улыбаюсь я.

– О! Но оно все же есть, да? Просто моя знакомая, тоже Катя, кстати, после развода, который тоже, кстати, – забавно округляет она глаза, – случился этой весной, не теряя времени, зарегистрировалась на сайте знакомств и активно мониторит там мужиков.

– На кой черт мне это надо?

– Вдруг скучно станет, захочешь на свидание сходить, а не с кем. Тут зашла, кликнула, лайкнула и пошла марафет наводить!

– Нет, я ни кликать, ни лайкать никого не собираюсь. Найти мужика в интернете, заинтересоваться им по переписке – дикость и тупость.

– Эй! Я с Пашей так познакомилась!

– Но ты же его не любишь. Сама говорила.

– Да, но...

– Но?

Ира сощурилась:

– Влюбиться можно где угодно! Хоть на улице, хоть в кофейне, хоть аэропорту, хоть на остановке и даже в интернете! Представь себе, в самом интернете! Просто у нас с Пашей странные отношения, потому что оба мы немного с приветом и...

– ...почему? – хмурюсь я и смотрю на Иру.

– Что?

– Ты перечислила только те места, где сама бываешь, но назвала аэропорт, хотя никуда не летаешь последние лет пять уж точно. Почему ты не назвала вокзал? Ты же часто на поезде ездешь.

Ира непонимающе глядит на меня и вытягивает губы.

– Да-а-а-а просто первое, что в голову пришло.

– Мм. Ну да.

– А это так важно? – интересуется Ира с таким лицом, словно я слабоумная. – То есть, нам нельзя произносить это слово?

– Какое?

– Я боюсь его говорить, вдруг ты убьешь меня!

– Аэропорт?

Ира продолжительно моргает, и я вижу, как она с трудом сдерживает в себе смех; уголки её острых губ беспокойно дергаются.

– Да я просто Шерлока пересмотрела с Ваней, наверное, – улыбаюсь я, почесав нос. – Там же столько мыслей у него, такие цепочки...

– А последний сезон вообще шикарный! Мы с Пашей всю ночь не спали и смотрели. И холодильник весь съели на нервах.

Вот опять. Если бы я начала подсчет этих знаков с самого их появления, то уже явно насчитала бы за две сотни. И это только за последний месяц. Говорят, что мозг автоматически вынуждает замечать даже самые мелкие детали в повседневной жизни, в зависимости от того, чего человек хочет и о чем частенько задумывается. Только вот в моем случае все не так. Мысли, которые вертелись и по сей день беспрерывно вертятся в моей голове, так или иначе, связаны с папой.

Усилятся ли его власть надо мной, когда я осталась одна? Винит меня и будет ли, если когда-нибудь узнает, что исключительно по моей вине мы с Димой разошлись? Да, обдумав все и выплавав, я признала, что во всем случившемся виновата только я. Не была бы такой трусливой, глупой и ведомой – оба сейчас были бы счастливы и, возможно, оставались друг для друга хорошими знакомыми. Но нет, я ведь шибко ответственная!

– Тащи ноутбук, давай! Будем мужиков смотреть!

Еще одна особенность Иры – умение найти человека в «ВК», увидев его всего лишь один раз. Главные требования – запомнить место, где его видела и, конечно же, лицо. Она может облазить все городские группы, кликать на людей, а потом через их друзей, друзей и еще раз друзей – найти свою цель. Ей-богу, я не понимаю, как такое возможно, но она даже через лайки способна эта сделать.

– Так, вводи в поисковой строке «Гриша Ляпочкин», – командует она, а я выполняю. На экране появляется несколько вариантов. – Вот он! Нажимай!

Кликаю на изображение полуголого качка с блестящим от масла телом и надуваю щеки.

– Ну, что скажешь? Секси?

– Ненавижу качков.

– Ой, ничего ты не понимаешь! – смеется Ира. Я знаю, что она их тоже недолюбливает. Ну, по крайней мере, привлекательными они ей не кажутся. – Только взгляни на его кубики. Их тут не сосчитаешь!

Я листаю фотографии и кривлюсь каждой, потому что все они одинаковые – блестящее тело в одних трусах. На некоторых даже лица нет.

– Стой-стой! А ну верни! Погляди, у него там бугорок в трусах!

– Надо же, он ведь мальчик!

– Просто на предыдущих фотках он был маленьким, а тут вдруг...

Я поворачиваю к Ире голову и едва сдерживаюсь, чтобы не засмеяться.

– Милая, у тебя недотрах?

– Этот недотрах случается, когда я оказываюсь вдалеке от Паши! Как будто специально.

Но стоит нам оказаться рядом и все – я ничего не хочу.

– Знакомая тема. Но неужели все настолько хреново, что ты уже достоинство Ляпочкина разглядываешь? – улыбаюсь я.

– Я в принципе обращаю на это внимание, – смеется Ира, попивая шампанское, – глаза как-то сами собой падают туда!

– Ну, не знаю. У меня обычно глаза падают на другое.

Ира поворачивается ко мне, требуя пояснений.

– Затылок. Руки. Ноги. Обувь.

– Обувь должна быть чистой?

– Ага, – киваю я, пролистывая однотипные фотографии.

– А затылок что?

– Мне сложно объяснить, но в затылке сконцентрирована мужская уверенность.

– Ничего себе... А руки?

– Когда опущены – к кистям стекают вены. Они становятся более выразительными и их сплетение заморозить должно. Ну и, несомненно, сами ладони и пальцы.

– Большие и длинные?

Мои губы растягиваются в веселой улыбке.

– Говори уже!

Я поворачиваюсь к Ире и с явно порозовевшими щеками поясняю:

– Чтобы они нравились моим бедрам. Вот так схватили их и больше не выпускали. Чтобы и с места сдвинуться не могла.

– Офигеть. Боюсь спросить, что насчет ног!

– Там все просто, твердые и спортивные.

– А, ну да, все очень просто, по сравнению с уверенным затылком и руками, которые будут устраивать твои бедра. Делов то!

За ноутбуком мы сидим целых два часа. Обсуждаем одноклассников, смотрим их фотографии, смеемся и вспоминаем школьные годы. Когда бутылка шампанского становится пустой, нам вдруг взбредает в голову отыскать в «ВК» мальчика, который был в нашем классе самым тихим и странным, девочки даже побаивались одного его взгляда.

– Как его фамилия?

– Хоть ты тресни, не могу вспомнить!

– погоди! А у тебя есть фотки, которые мы в школе делали? В альбомах таких? Там ведь написаны имена и фамилии! – озвучивает свою идею Ира.

Я залажу в огромный шкаф-купе, что находится в спальне родителей, и, поднявшись по стремянке, ищу на бездонных полках розовый рюкзак, где мама хранит все наши старенькие альбомы. И стоит мне передать его в руки Иры, как тут же моя подруга принимается разглядывать семейные снимки и смеяться надо мной маленькой.

Мы просматриваем почти все альбомы и совершенно забываем о причине, по которой я вытащила этот рюкзак. Уже давно я не заглядывала в это милейшее прошлое, когда мы всей семьей садились в машину и ехали в Крым четверо суток; вот мы с папой и бабушкой выехали утром в поле пострелять из воздушки по пустым бутылкам; здесь мама чистит тонну грибов, которые мы собрали в лесу, а её хмурое выражение лица говорит, что ей совершенно не в кайф этим заниматься. Хорошее какое-то время было. Добрее, чем сейчас. И родственники

приходили по выходным, и танцевали дома, и веселились. А теперь каждый в своей каморке, а фотографии стали собираться не в дешевых альбомчиках с бледными обложками, а в бездушных телефонах.

К двенадцати часам Ира понимает, что уже устала и хочет спать. Я, если честно, уже бы как час назад с удовольствием обняла подушку и крепко уснула. Подруга вызывает такси, и пока я наблюдаю за тем, как она пытается зашнуровать свои кеды, меня вдруг посещает очень странная и совершенно неприятная мысль. Я её знаю, поскольку когда-то мы были с ней так близки, что все мое существование вертелось именно вокруг нее. Я узнала, что могу быть неуправляемой стервой и упрямой собственницей. Что бы я и собственница – да никогда! Но нет, у меня срывало кукушку настолько, что я познала кайф всевластия, ей-богу!

– Ладно, дорогая моя, спок-ноки, – целует меня Ира, и мы обнимаемся, – спасибо за ужин! Надо будет повторить, да?

– Даже не обсуждается. Сообщи, как будешь дома.

– Окей. А ты давай садись в «ВК» и ищи мужика. О! Гляди, рифма какая!

– Делать мне больше нечего, – улыбаюсь я и проворачиваю замок на двери, – еще и в интернете его искать.

– Так ведь мужики сейчас ужасно нерешительные! Надо все в свои руки брать, Катя!

– Ой, все!

Выпроводив подругу, я тихонько смеюсь и еще с минуту стою на месте, то и дело останавливая взгляд на своем отражении в большом зеркале.

Почему кроме мамы ни до кого не доходит мое абсолютное нежелание с кем-либо встречаться? Да, нельзя и эгоистично ставить всех мужиков под одну гребенку, но сейчас каждый из них видится мне именно таким, каким был Дима. Нет, не плохим, не жестоким, не ужасным. Дело, наверное, даже не столько в Диме, сколько в *моем* отношении к нему. Я все время думаю, что к любому, кто проявит ко мне свое внимание, буду относиться точно также.

Приятно?

Да.

Весело?

Да.

Комфортно?

Да.

Любовь?

Наверное.

Когда подобные мысли проникают в голову, я всегда резко выдыхаю и принимаюсь за какую-нибудь работу. Заметила это не так давно и даже рассмеялась своей реакцией. Перестав ощущать потребность в отдыхе, я хватаю пахучее средство для зеркал и начинаю протирать и без того сверкающие поверхности, слушая приглушенную песню Селены Гомес. Мое успокоительное сводится к уборке, и чем масштабнее она будет, тем лучше. Однако, протирание зеркал, которых в квартире родителей достаточно, не приводит мои мысли в порядок. Я по-прежнему думаю о будущем, которое слишком беспокоит моего папу, о мужчинах, которые в двадцать семь и старше уже давно обзавелись семьей и остались только те, кому в принципе претит семейная жизнь или кто просто настолько занудный, что нафиг ни одной женщине не нужен.

– Да на кой оно тебе все сдалось?! – восклицаю я, уставившись на свое отражение. – Пошли они все! Давай уже делать то, что действительно хочешь, идет? Не то, что *надо* делать для других, а то, что ты сама хочешь! Давай уже, будь самостоятельной до самого конца, а? Давай!

Мой сотовый издает короткий звон, и я возвращаюсь в гостиную.

«Я дома, подруга! Мама удивлена, что я не в какашку :) В следующий раз надо две бутылки выпить!»

«От двух бутылок я достигну самого дна! Но я, черт возьми, не против;»

«Ну все! Тогда до встречи!»

«Ага, спок!»

Я усмехаюсь и блокирую сотовый, как вдруг от Иры приходит еще одно сообщение.

«Ты мужиков смотрела?»

«И не собираюсь!»

«Да ну ты что такая скучная то?! Никто ведь не узнает, что ты там ищешь, на кого смотришь! Просто посмотри, какие они сейчас бывают :)»

Я решила ничего не отвечать на это. Зная Иру, она будет упорно стоять на своем, пока на то есть возможность.

В душе, стоя под едва теплыми струйками воды, мои мысли вновь возвращаются в прошлое. К конкретному моменту, вспоминая который еще пару месяцев назад, я грызла себя так рьяно, как голодные белки крепкие орехи. Сейчас этот поступок, что совершил Дима, не кажется мне предательством, хотя на тот момент он как будто уничтожил мою жизнь, проехавшись по ней катком. Сейчас он видится мне совершенно по-другому. Совершенно.

Завариваю себе чай перед сном и как-то машинально сажусь за свой ноутбук. По телеку без перерыва крутятся серии «Друзей», на подоконнике тихонько играет колонка, звучит спокойная песня Ланы Дель Рей, а мои пальцы нависают над клавиатурой. Я смотрю на узкую поисковую строку и внутри у меня вдруг все так знакомо сжимается, что от этого глупого дежавю я нервно усмехаюсь. Мои челюсти сжимаются-разжимаются сами собой, поисковая строка с мигающей в ней курсором точно специально призывает дать ей особое задание. Зачем она всегда так мигает?

Давай.

Давай.

Пиши.

Пиши.

Кирилл ***.**

У меня загораются щеки, когда глаза видят это *особое* имя и фамилию. Такое чувство, если я нажму «искать», то он об этом тот час же узнает. Узнает, что я не поленилась нажать каждую букву и за восемь лет не смогла забыть его имя. Фамилия, город, возраст... Я задала все параметры, ни разу не усомнившись. Вообще, у меня чертовски ужасная память на имена. Это выглядит примерно так: «Катюша, познакомься, это мой друг «Медуза, медуза, медуза, мы друзья-я-я, медуза, медуза», с которым учились еще в университете!». Или так: «Вы едете в Сургут? И я тоже, у меня там дочка живет. Меня зовут «Между нами тает лед, пусть теперь нас никто не найдет», а вас?». И я понятия не имею, с чем это связано, мне приходится запоминать по принципу ассоциаций. Иногда получается, но чаще всего я путаюсь еще сильнее.

А здесь я запомнила все, и как мне это удалось – по сей день остается загадкой. Устав сомневаться и загоняться опасениями, я нажала на поиск. На экране появляется всего три возможных варианта. Первый – страничка удалена. Третий – мальчишка лет двенадцати. А вот второй...

Это он. Не в онлайн – замечательно. Возможно, что моя вылазка действительно останется незамеченной. Я осторожно кликаю на аватарку и перехожу на страницу парня, которого когда-то, так ничего ему и не объяснив, в прямом смысле слова удалила из своей жизни. В эту секунду, когда фото с его аватарки открылось на весь экран, чувство глубокой вины пронзило мои внутренности. Камера запечатлела его широко шагающим по футбольному полю, в темной форме. Он сосредоточенно глядит себе под ноги и вряд ли подозревает, что его фотографируют в этот момент. И я опять не могу увидеть его глаза.

Опять.

К моему сожалению, никаких фотографий кроме этой на его странице больше нет. А может и есть, но доступ к ним левых людей, какой сейчас являюсь я, просто закрыт. Никакой информации о семейном положении и дате рождения. Только город проживания и все.

Интересно, окажись я хитрее восемь лет назад, каким оказался вдруг Дима, по-прежнему бы мы с Кириллом поддерживали общение? Я могла бы тайком общаться с ним, в том же ICQ, куда Дима заглянул лишь однажды, должно быть, как раз для проверки. Существует столько мессенджеров, выбирай – не хочу, но я так просто вышвырнула человека, так легко отказалась от общения с ним! А ради чего? Чтобы доказать себе, что я не такая, как папа, что я ни за что не предаю любимого? Бог мой, а ведь именно этот любимый оказался таким же, как я, только в отличие от меня – шибко ответственной и честной, он показал, каким хитрым умеет быть.

Глава 5

лето, 2012 год

Дурацкая песня о том, как «поднять бабла нормальным пацыкам» пошла на второй круг. Хотя нет, это была не песня, а бессмысленный набор слов, что со слюной и кашлем выплевывали типа-крутые-реперы. Я ненароком взглянула на Диму, что сосредоточенно смотрел на дорогу и по обыкновению держал руль только одной рукой. Мне всегда казалось, что в этой дороге, от Тюмени до Сургута и обратно, Дима думал обо всем на свете и с удовольствием витал в своих мыслях, а на этот тошнотворный реп даже не обращал внимания.

– Можно я свои песенки включу? – спросила я, тиская Тишу, что спал на моих коленях. – У меня голова вот таких размеров уже.

– Мы уже слушали твои песни.

– Так и твои мы уже все послушали! Второй круг пошел, и в них же нет музыки совершенно...

– Просто папка на флешке не переключилась, – сказал мне Дима и сделал несколько манипуляций на центральном экране. – Вот, смотри, шансон есть, Михайлов – что включить?

– Ты прикалываешься? – закатила я глаза и громко цокнула языком. – Давай мои? Они же современные и танцевальные!

– На твоей флешке их всего двадцать штук, ты же не могла еще меньше закачать! – хмыкнул он, что совершенно мне не понравилось.

– Там не двадцать песен, а намного больше.

– Но они повторяются, – улыбнулся Дима, – ты, наверное, копии сделала для количества. Давай, послушаем мою папку, а потом к твоей флешке вернемся, идет?

– У тебя же здесь сотня песен не меньше. К тому моменту, как они закончатся, мы уже будем в Сургуте!

Дима растянулся в улыбке победителя и подмигнул мне:

– В этом то и дело, зая.

Я недовольно сложила руки на груди и уставилась перед собой на большой грузовик, к которому мы стремительно приближались. Слушая дрожащий женский голос, что удрученно пел о несчастной любви к мужчине, чья жизнь была полна «страстей и вранья», моими мыслями овладевало горячее чувство несправедливости, мол, как же так, мое желание послушать нормальные песни не только высмеяли, но и дали ясно понять, что своего я так и не получу в итоге. Громко выдохнув, дабы привлечь к себе внимание Димы, я опустила глаза на Тишу, что шатаясь, спрыгнул в мои ноги, а когда подняла снова, увидела перед собой шесть больших букв, что значили не только название немецкой компании, но и фамилию человека, чей образ за прошедшие два года, изредка всплывал в памяти.

«Немецкая компания так называется по производству прицепов и грузовиков. Нет, я не имею никакого отношения к этим ребятам».

Интересно, подумалось мне, как у него дела? Чем он занимался в ту минуту, когда я ехала к родителям в Сургут, сидя в автомобиле, что вел мой молодой человек. Да-да, тот самый, которому не понравилось наше просто-общение. Улыбался ли он сейчас, или грустил? Был ли голоден, или наелся так, что не мог дышать? Что интересного произошло в его жизни за эти два года? Может, он успел жениться и переехать в какую-нибудь страну, играя в известном футбольном клубе?

Усмехнувшись своим мыслям, да видимо слишком громко, я заметила, как Дима уставился на меня и задумчиво приподнял бровь.

– Что? – спросила я, вернув себе былое недовольство.

– Все? Надулась что ли?

– С чего бы это?

– Не знаю, ты ведь всегда на что-то обижаешься!

Совершив обгон, Дима нажал кнопку «+» и теперь песня об осенней листве и безответной любви зазвучала еще громче.

Наши летние каникулы начались в десятых числах июня. Приехав с Димой в Сургут и живя каждый у своих родителей, мы встречались по вечерам, ходили в кино, ели мороженое в летних кафе или просто зависали у меня дома. Он работал со своим отцом за городом на месторождениях, а я в это время встречалась с подружками и проходила практику в местной газете. Приближался день рождения моей мамы, и мы всё размышляли, что же могли бы ей подарить. Я спокойно относилась к тем выходным дням, которые Дима решал провести в компании своих давних друзей, но когда мне совершенно нечем было занять себя, меня начинало покусывать странное чувство, как будто что-то проходило мимо моего наивного спокойствия. И это ощущение становилось все явственнее и навязчивее с каждым разом, когда я отчетливо понимала, что Дима все реже и реже искал со мной встречи.

– Я не приеду сегодня, – сказал он мне по телефону в двадцать пятый раз за последние пару недель. – Очень устал на работе.

– Может, мне заехать к тебе? Я что-нибудь вкусное возьму.

– Нет, не надо. Я сразу спать лягу.

– Так сильно устал, что в пять часов спать ляжешь? – с тихой усмешкой поинтересовалась я.

– Некоторые просыпаются в семь утра и целый день на жаре под солнцем находятся, в отличие от тех, кому никуда не надо спешить, – осадил он меня.

– Все нормально?

– Да, я просто устал! Все, напишу, как проснусь.

Дима резко закончил странный для меня разговор, и той ночью я никак не могла успокоить мысли. Долбанный анализ в голове не желал останавливаться, предположения сыпались одно за одним и к четырем часам, когда я вконец поняла, что не усну, зашла в «ВК» и стала листать фотографии на страничке одноклассницы.

«Ты чего не спишь?»

Сообщение от Антона, лучшего друга Димы, удивило меня, поскольку последний раз мы с этим человеком переписывались, когда у него еще не было девушки Маши, которая по словам Димы была совершенно без комплексов. Она не стеснялась залазить к Антону на руки, пока тот сидел за рулем, целовать его так, что становились отлично слышны протяжные чмокания, и все это в присутствии его друзей, которые тихонько сидели на заднем сиденье. Я её, конечно, не видела, но со слов Димы у меня сложилось о девушке не самое лучшее впечатление.

«Не спится что-то, а ты?»

«А мы гуляем!»

Мы.

Мы.

Мы.

Интересно, а среди этих «мы» не было, случаем, твоего лучшего друга?

«Прикольно!»

Во мне зародились сомнения и колючие опасения, а несколько последующих дней, выдались настолько паршивыми, что я напрочь позабыла о цветах маме. Мы с Димой общались раз в день по две-три минуты, потому что после работы в пять часов вечера он был никаким и мечтал о сне. Когда я спрашивала, все ли хорошо, он взрывался, мол хватит постоянно задавать этот дурацкий вопрос, ведь все НОРМАЛЬНО.

– У мамы завтра день рождения, – напомнила я, – никого из родственников звать не будем. Мама столик в ресторанчике забронировала, будем только мы с тобой и они с папой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.